

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ И ИХ СПЕЦИФИКА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
46.03.05. Педагогическое образование, профиль: история и обществознание
очной формы обучения, группы 02031302
Гринёвой Анжелины Николаевны

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Болгов Н.Н.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ТЕКСТОЛОГИИ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ	11
1.1. Композиционный строй «Хронографии» Иоанна Малалы	11
1.2. Специфика освещения истории в «Хронографии»	19
ГЛАВА II. ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ЖАНР ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ	31
2.1. Источниковая база Пасхальной хроники	31
2.2. Значение Пасхальной хроники в ранневизантийской хронографии и современной науке	43
ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «ХРОНИКЕ» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА	48
3.1. Отражение эпохи в произведении Марцеллина Комита	48
3.2. «Хроника» в контексте христианской культуры.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	69

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В последнее время внимание отечественных и зарубежных исследователей в гуманитарных областях знания все более сосредоточивается на изучении проблем духовной истории человечества, особенностей мировоззрения человечества в прошлом. Одним из предметов исследования на сегодняшний день все чаще становятся ранневизантийские хроники.

История восточно-христианской хронологической традиции, становление и развитие систем летосчисления в византийскую эпоху у народов Христианского Востока, являются одной из немногих сфер исторической науки, которая до настоящего времени не увенчалась созданием общепризнанной научной концепцией. По мере возникновения все более универсальных эр развивалась и историческая хронография как тип историописания, основанный на хронологии — последовательной датировке событий.

Между тем адекватное представление о принципах ранних хронологических систем и путях их дальнейшего развития не только является необходимым для построения верной исторической хронологии, но и проливает свет на многие нерешенные вопросы хронографической традиции и исторических представлений, как в Византии, так и в сопредельных ей христианских странах. Проблемы хронологии в последнее время приобрели особую актуальность в связи с общей тенденцией к «математизации» научного знания.

Таким образом, актуальностью дипломного исследования является то, что византийские хроники представляют особый интерес для изучения процесса «переезда» империи на Восток, когда вместе с императорским двором и сенатом в Константинополе развернулось и близкое к придворным кругам летописание. В исторической перспективе латинская хроника на Востоке не получила дальнейшего развития, но сам феномен заслуживает самого при-

стального внимания в силу специфики культурных процессов Поздней античности.

Итак, с точки зрения исторического опыта, изучение и обобщение материалов по данной теме позволяет выйти на новый уровень исторического синтеза по актуальным проблемам, представляющим сегодня повышенный научный интерес для ученых-историков.

Объект исследования – ранневизантийские хроники как отражение представлений эпохи византийских хронистов IV-VI вв.

Предметом исследования является специфика содержания и написания ранневизантийских хроник IV-VI вв.

Хронологические рамки исследования соответствуют хронологическим рамкам создания хроник: Иоанна Малалы, Пасхальной и Марцеллина Комита, т.е. IV – VI вв. Хронологические рамки опираются на концепцию Поздней античности (П. Браун, А. Камерон и др.), включающей принятые в отечественной науке рамки истории Ранней Византии: IV-VI вв. (по некоторым позициям – включая также 1-ю треть VII в.).

Территориально-географические рамки исследования охватывают основные провинции Ранней Византии в Восточном Средиземноморье с преимущественным вниманием к Константинополю.

Методологической базой исследования является обращение к принципам историзма и объективности, а также на теорию локальных цивилизаций, которая позволяет рассмотреть различные стороны культурно-исторического процесса в движении и эволюции.

К методам исследования стоит отнести – общенаучный метод анализа и синтеза, а также специальные исторические методы:

1. историко-генетический, который ориентирован на поиск происхождения того или иного рассматриваемого явления;
2. сравнительно-исторический, который позволяет сравнить хроники между собой;

3. метод контент-анализа, который нацелен на анализ содержания источников и исследовательских возможностей при работе с ними.

Совокупность использованных методов, а также комплексный подход к источникам определил достоверность и обоснованность сделанных выводов.

Степень изученности проблемы. В ходе работы над темой «Ранневизантийские хроники и их специфика» были использованы обобщающие труды разных лет по истории (Ранней) Византии в целом: это книги отечественных византинистов, классиков исторической мысли Ю.А. Кулаковского¹, Ф.И. Успенского², А.А. Васильева³, Г. Острогорского⁴, коллективная «История Византии»⁵ в 3-х томах.

Весьма важен ряд трудов ведущего петербургского византиниста Г.Л. Курбатова, работавшего на протяжении 60-90-х гг. Среди его произведений есть исследования истории ранневизантийской Антиохии, монография «Ранневизантийские портреты» и др.⁶ В книге представлена галерея социальных портретов общественных деятелей ранней Византии IV- VI вв.: идеолога муниципальной аристократии IV в. Ливания, одного из создателей византийской церкви, известнейшего проповедника Иоанна Златоуста, провинциального аристократа и философа начала V в. Синесия, а также крупнейшего историка и выразителя интересов старой сенаторской аристократии VI в. Проконпия, императора Юстиниана.

На основе анализа их произведений и практики выявляются особенности, характерные для общественно-политической системы, взглядов и практики ранневизантийского общества в отличие от общества предшествующей и последующих эпох.

¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. – В 3 тт. – СПб., 1996.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. – В 3 тт. – М., 1998.

³ Васильев А.А. История Византии. – В 2 тт. – М., 1998.

⁴ Острогорский Г. История Византийского государства. – М., 2010.

⁵ История Византии. – В 3 т. – М., 1967.

⁶ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. – Л., 1991; он же. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). – Л., 1962.

Комплексное исследование церковных историй Ранней Византии, их информативных возможностей и общекультурного значения предпринято И.Ю. Ващевой⁷.

Несколько ранее церковные ранневизантийские хроники также фрагментарно изучались И.В. Кривушиным⁸. В его работе «Ранневизантийская церковная историография» освящена чрезвычайно актуальной для современной византистики проблеме — проблеме концептуальной эволюции ранневизантийской церковной историографии, представленной пятью историками ортодоксального направления — Евсеием, Сократом, Созоменом, Феодоритом и Евагрием, поскольку ранняя церковно-историческая концепция до сих пор не стала предметом обстоятельного и систематического исследования ни в западной, ни, тем более, в отечественной историографии. Более того, эта работа является первым в мировой византистике фундаментальным исследованием всех дошедших до нас ортодоксальных ранневизантийских церковных историй, а не только труда основателя церковно-исторического жанра — Евсевия Кесарийского, который монополизировал внимание зарубежных ученых, тогда как его продолжатели необоснованно рассматривались ими как простые компиляторы.

Важными для нашего исследования трудами также являются монографии, посвященные той или иной хронике в отдельности. Так, например, изучением «Хронографии» Иоанна Малалы занималась З.В. Удальцова⁹. Ее работа «Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы» посвящено мировоззрению византийского хрониста. Также интересным для нашего исследования представляет работа Л.А. Самуткиной¹⁰, которая опи-

⁷ Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности / Автореф. докт. дисс. - Белгород, 2013.

⁸ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. – СПб., 1998.

⁹ Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971. Т. XXXII. – С. 3 – 23.

¹⁰ Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. – Иваново: ИвГУ, 2001. – 143 с.

сывает жизнь хронографа Малалы, а также специфику его «Хронографии», ее язык и содержание.

Говоря об отечественной историографии по проблеме нашего исследования следует также отметить большой вклад в изучение хроники Марцеллина Комита внес уральский историк А.С. Козлов¹¹, автор ряда статей о ней. Однако, специальной монографии по хронике он так и не подготовил.

Анализируя зарубежные труды, можно выделить, что наиболее глубокий подход к вопросу личности Иоанна Малалы подошли немецкие ученые Э. Патциг¹², Г. Гельцер¹³ и К. Глейе¹⁴. Данные исследователи в конце XIX в. существенно продвинулись в области вопросов, связанных с Иоанном Малалой и его хроникой. Ими были поставлены вопросы о возможном монофизитстве автора, о нескольких изданиях хроники, о возможном наличии нескольких авторов, о редактировании «Хронографии» и др.

При исследовании «Хроники» Марцеллина Комита, мы руководствовались, прежде всего, исследованиями австралийского историка – Брайана Кроука¹⁵, который является единственным автором двух специальных монографий и серии статей об этой хронике и ее авторе.

Анализируя литературу по нашей теме, стоит также отметить, что в 1990 г. в Австралии вышел том исследований, касающихся различных аспектов изучения «Хроники» Малалы¹⁶. Именно данный труд заложил основы современного, более глубокого исследования вопросов, касающихся личности Иоанна Малалы и его сочинения. Данная работа по-прежнему является наиболее актуальной и фундаментальной и на сегодняшний день.

¹¹ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. - Екатеринбург, 1992. - С. 46-55.

¹² Patzig E. Die Abhängigkeit des Johannes Antiochenus von Johannes Malalas // BZ. – 1901. – Vol. 10. – S. 40-53.

¹³ Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. – Leipzig, 1885. – Vol. 2 – 433 S.; Idem. Zu Africanus und Johannes Malalas // BZ. – 1893. – Vol. 3. – S. 394-395.

¹⁴ Gleye C.E. Zum slavischen Malalas // Archiv für slavische Philologie. – 1894. – Vol. 16. – S. 578-591; Idem. Beiträge zur Johannesfrage // BZ. - 1896. – Vol. 5. – S. 422-464.

¹⁵ Croke Brian. The Chronicle of Marcellinus in its contemporary and historiographical context. - Oxford, 1979.

¹⁶ Studies in John Malalas / ed. E. Jeffreys, B. Croke and R. Scott. – Sydney, 1990 / Byzantina Australiensia 6. – 370 p.

Таким образом, проанализировав различную литературу по написания и специфики ранневизантийских хроник можно констатировать, что несмотря на то, что отечественные и зарубежные историки занимались изучением различных аспектов как написания хроник, так и биографических данных их авторов, тема еще далеко не исчерпана и требует дальнейшего развития и изучения.

Целью исследования является изучение специфики написания и содержания основных ранневизантийских хроник IV – VI вв. В соответствии с поставленной целью нами были сформулированы **следующие задачи**:

1. охарактеризовать композиционный строй «Хронографии» Иоанна Малалы;
2. проанализировать историческую концепцию в «Хронографии» Малалы;
3. изучить источниковую базу Пасхальной хроники;
4. рассмотреть особенности написания Пасхальной хроники и ее место в ранневизантийской хронографии;
5. провести биографический анализ жизни хрониста Марцеллина Комита;
6. обозначить место «Хроники» Марцеллина в контексте христианской культуры.

Источниковая база. Как известно, византийские исторические сочинения делятся на две группы: собственно истории, касавшиеся событий современной автору эпохи, и хроники, в которых теоретически повествование должно было начинаться от сотворения мира и заканчиваться концом мира — страшным судом. Для нашей темы исторические произведения в узком смысле этого слова имеют, пожалуй, второстепенное значение. Они как правило охватывают довольно короткий временной отрезок — время жизни одного поколения — целиком посвящены событиям современности и отражают, чаще всего, различные политические взгляды автора и его современников. Гораздо существеннее хроники. Их авторы и составители по са-

мим законам жанра были в большей степени настроены не на сиюминутные оценки событий, но на поиски некоего цельного исторического обобщения. Среди хроник наибольший интерес для нас представляют:

1. «Хронография» Иоанна Малалы;
2. «Пасхальная» хроника;
3. «Хроника» Марцеллина Комита.

«Хронография» Иоанна Малалы¹⁷, антиохийского монаха VI в., является одним из наиболее активно изучаемых в мировой науке ранневизантийских исторических сочинений. Стоит обозначить основные позиции в плане характеристики данного источника. В целом произведение распадается на две половины: книги I-XII рассказывают о библейской и античной (греко-римской) истории до принятия христианства. Книги XIII-XVIII образуют «византийский логос», повествуя о событиях от Константина до Юстиниана включительно. Прежде всего, необходимо отметить известный парадоксальный факт – сочинение Малалы по всем признакам является скорее историей (или квазиисторией), нежели хроникой. Это развернутое повествование с попытками объяснения событий. Однако, к хроникальным его относят (помимо хронологического стержня) из-за легковесных объяснений, общего низкого культурного уровня автора, писавшего для такой же невзыскательной аудитории.

Еще одна хроника, которая была исследована нами – Пасхальная¹⁸, являющаяся анонимной. Хроника в наибольших случаях известна под названием «Пасхальная хроника», а также «Александрийская хроника», «Константинопольская хроника», «Сицилийские фасты». Такое наименование она получила благодаря французскому филологу Дюканжу (1610-1668), который назвал ее так по пасхальным таблицам, начертанным на обратной стороне двух листов содержащей ее рукописи. Это сочинение, сохранившееся в един-

¹⁷ Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. – М., 1994. – 624 с.

¹⁸ Пасхальная хроника / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. Л. А. Самуткиной. — Византийская библиотека. Источники. — СПб., 2004. — 224 с.

ственной рукописи, было окончено около 630 г., в переломную эпоху в истории не только Византии, но и всего христианского мира.

«Хроника»¹⁹ Марцеллина Комита охватывает события 379-534 гг. Пожалуй, это единственный источник, который последовательно освещает конец V - начало VI вв. Стоит отметить, что «Хроника» Марцеллина Комита является одним из лучших источников по позднеантичному времени, близкий к константинопольскому двору.

Таким образом, использование данных источников дало возможность опереться на значительный фактический материал, послуживший основанием для выводов и обобщений. Актуальность темы исследования, ее масштабность, недостаточность разработанности в отечественной и зарубежной историографии дают основание тому, что выпускная квалификационная работа несет в себе **научную новизну**.

Практическая значимость исследования заключается в том, что данный материал можно использовать при организации факультативов по истории ранневизантийской культуры в средних и высших образовательных учебных учреждениях.

Структура дипломной работы включает в себя введение, три главы, заключение и список источников и литературы.

¹⁹ Marcellinus Comes. Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH.AA. - T.IX. V.II. - B., 1894. - P. 37-108; The Chronicle of Marcellinus Comes. – Canberra, 1996; Марцеллин Комит. Хроника. – Белгород, 2010.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ТЕКСТОЛОГИИ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ

1.1. Композиционный строй «Хронографии» Иоанна Малалы

Пожалуй, одно из самых популярных произведений историографии периода ранней Византии, которое пользовалось наибольшей популярностью на протяжении средних веков - «Хронография» Иоанна Малалы, являющееся историческим сочинением из XVIII книг. В «Хронографии» изложение событий начинается «от начала мира» и завершается царствованием императора Юстиниана, доводя рассказ до 568 или до 573 года²⁰.

Ученые полагают, что Иоанн Малала был выходцем из Сирии, и имел профессию ритора. Родившись в Антиохии, Малала получил классическое образование в риторической школе, и в дальнейшем практиковал деятельность юриста.

К сожалению, у других авторов не было обнаружено биографических сведений о Малале. Конечно, можно предпринять попытку в определении времени его жизни, рассчитывая на критерии, присущие его работе. В начале первой книги Малала пишет, что он правдиво записывает в деталях, что стали известны ему до его современной истории, от Адама до Зенона и императоров после него.

Таким образом, само содержание Хроники доказывает, что Иоанн Малала был одним из чиновников комита Востока. То есть, многочисленные аргументы указывают на то, что сирийский хронист был чиновником в Антиохии. С другой стороны, в конце жизни он действительно мог стать духовным лицом, что не было необычным для византийского общества.

²⁰ Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // Византийский временник. 1971. Т. 32 (57). - С. 4.

В настоящее время сложились некоторые представления о возможных изменениях в жизни хрониста, переменах в его деятельности²¹.

Итак, если признать, что Малала родился в конце 480-х гг., то, скорее всего, он уже в конце первого десятилетия VI в. был молодым человеком, начавшим определенную карьеру. В данном случае можно согласиться с утверждением У. Тредголда, что в 507 г. Малала закончил риторскую школу и начал бюрократическую карьеру²².

Умер Малала, по всей видимости, или до, или вскоре после 565 года, хотя некоторые исследователи датой его смерти называют 574 или даже 578 гг. Помимо сказанного, о жизни Малалы мы не знаем более почти ничего. Некая полуанонимность писательского образа Малалы отлично подходит к его исторической роли: опираясь на ближневосточную традицию, продолженную эллинистическими авторами типа вавилонянина Бероса, а затем раннехристианскими учеными, он обновил, приблизив к запросам широкого читателя, жанр всемирной хроники, которому суждено было стать одним из самых продуктивных, массовых и общедоступных жанров средневековой литературы²³.

Таким образом, Иоанн Малала прожил довольно интересную и наполненную событиями жизнь. Если вспомнить, что Малала был чиновником и имел на определенных этапах карьеры покровителей, то не кажется удивительным столь хаотичное передвижение византийского хрониста по служебной лестнице. Вполне вероятно, что его поездки в Константинополь преследовали именно служебные цели²⁴.

Когда на высших государственных должностях оказывались люди антиохийского происхождения, они вполне могли в качестве помощника при-

²¹ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 28.

²² Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 29.

²³ Шусторович Э.М. Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы // Византийский вестник. 1969. Т. 30 (55). - С. 136.

²⁴ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 30.

гласить в столицу Иоанна Малалу. Может быть, он пользовался известностью и уважением у себя на родине, будучи ритором (адвокатом). Однако после смещения своих покровителей покидал свою должность и Малала. Назначение Малалы в качестве помощника Гермогена также не выглядит сомнительным: до этого Малала уже был известен в Константинополе, знали и о его происхождении и месте рождения - Сирии. Война с Ираном происходила на восточных границах Византийской империи и поэтому люди, знакомые с местностью, имеющие связи и умеющие оперативно передавать информацию были очень нужны. Одним из таких людей мог быть и Иоанн Малала.

«Хроника» Иоанна Малалы, состоящая из XVIII книг, начинается изложение событий «от начала мира» и завершается царствованием императора Юстиниана. Хотя текст составляется из различных версий, отделенных десятилетиями друг от друга, это, вероятно, единая работа одного автора. Как указано в предисловии к хронике, цель Малалы в написании его труда имеет два аспекта:

- 1) изложить ход священной истории в интерпретации христианской летописной традиции (Книги I-IX) ,
- 2) составление краткого очерка о событиях при римских императорах, вплоть до времени его собственной жизни (Книги X-XVIII)²⁵ .

В «Хронике» Малала следует своей цели последовательно, используя в Книгах I-VIII хронологию древнееврейской истории в качестве основы, в которую он интегрирует истории персов, греков, римлян и другие народы. От Августа (Книга IX) структура хроники группируется вокруг правлений отдельных римских императоров. С книги XV одна книга посвящается одному императору, чтобы был представлен каждый из императоров от Зенона (книга XV) до Юстиниана (книга XVIII). Относительно последнего периода автор говорит нам, что он использовал и устные источники.

Устанавливая целью написать «Хронографию», которая была, вероят-

²⁵ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. – СПб., 1998. – С. 71.

но, оригинальным названием работы, Малала следовал уже имеющимся образцам историографии²⁶.

Хронография Малалы является взглядом на историю от Адама с общехристианской точки зрения. Главное содержание книг Ветхого Завета изложено до первосвященника Адды (Addus). Древние народы включены в хронологию на подходящие им места. С книги IX хронография является по существу имперской историей (хотя только с книги XV каждая книга имеет своей темой правление отдельного императора).

Среди ученых существует единодушие, что Хронография появилась в двух версиях (текст первой части, появившись, вероятно, не был переписан). Первая часть, написанная под углом зрения Антиохии, была закончена в 528-532 гг. (вечный мир между римлянами и персами). Она была использована Евагрием, на котором основаны Пасхальная хроника и славянский перевод. Последний заканчивается из-за искажений оригинала на 528 г²⁷.

В первой книге Малала указывает свои источники; он использовал в своих работах всего более 80 информаторов²⁸. Здесь указывается документальный материал и устные источники из трех основных источников: Домнин, Несториан, Тимофей. Вопрос об источниках Малалы окончательно не может быть решен удовлетворительно.

Одним из наиболее важных является вопрос о структуре «Хронографии» и выделяемых в ней тематических блоках. Если Я.Н. Любарский был склонен выделять в сочинении Малалы две части («библейско-греческую» и «римско-византийскую»), полагая водоразделом установление империи, то, по нашему мнению, более логично было бы разделить «Хронографию» по содержанию и смыслу на три раздела: кн. I-VI - события библейской и греческой истории (включая легендарные эпохи); кн. VII-XII - римская история; кн. XIII-XVIII - византийская история. В переносном смысле, это: «Иеруса-

²⁶ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. - С. 44.

²⁷ Croke B. Malalas, the man and his work // Studies in John Malalas. - Sydney, 1990. - P. 2.

²⁸ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. - СПб., 1998. - С. 78.

лим», «Рим», «Константинополь»²⁹.

В книгах I-V излагается древнейшая история, в основном - это пересказы библейской истории и греческих мифов (о борьбе богов с гигантами, о Зевсе и Кроне, о Семеле, об Ио), которой Малала следует средневековой версии Диктиса Критского. В III книге излагается преимущественно библейская история, в V - история Троянской войны. Затем в Хронике повествуется о персидских царях, лидийском царе Крезе, о греках и македонских царях, о начале Рима (кн. VI), о Ромуле, Реме и первых римских царях до Тарквиния (кн. VII), о преемниках Александра Македонского - Птолемах и Селевкидах (кн. VIII). Последующие книги (кн. IX-XII) излагают историю Юлия Цезаря и римских императоров от Октавиана Августа до Констанция Хлора, а затем - римских и византийских императоров от Константина Великого до Юстиниана (кн. XIII-XVIII). Центральным пунктом, откуда Малала обзореваает все события истории, был для него родной ему город Антиохия³⁰, так что иногда Хроника кажется просто антиохийской городской летописью, на фоне которой лишь кое-где мелькают эпизоды, восходящие к другим частям ойкумены. В заключительных частях Хроники центр действия переносится в Константинополь, и, соответственно, эти разделы выглядят уже летописью столицы.

Малала писал свой труд не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс. Он задался целью дать нравоучительное, в духе христианского благочестия, назидательное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей³¹. Согласно оценке известного специалиста по византийской литературе К. Крумбахера, Малала стремился создать «простонародную» книгу без оскорбления «престолов и алтарей» в привлекательном и доступном для масс изложении. Хронологический охват исторического повествования Малалы поистине

²⁹ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. - С. 46.

³⁰ Там же - С. 48.

³¹ Там же - С. 51.

огромен.

Труд начинается с освещения библейской истории, затем в переработанном виде излагается история народов Востока и греческая мифология. Перед читателем проходит история древних государств, предстает легендарная и античная Греция, эллинистический мир в эпоху диадохов, римские и ранневизантийские императоры. Хронику увенчивает поразительный по беспристрастности и многогранности рассказ о царствовании Юстиниана.

Как утверждает сам автор, его сочинение основано на многочисленных источниках, в том числе, на трудах античных писателей. Однако хронист далеко не всеми ими пользовался в оригинале. Многие он брал из вторых рук — из более поздних компиляций римского и византийского времени. Для определения хронологии событий Малала пользовался хрониками Климента Александрийского, Феофила, Тимофея, Евсевия Кесарийского. Документальный материал Малала привлекает в весьма ограниченной степени: ему доступны были лишь те государственные предписания, которые имели широкое распространение среди всего населения Византийской империи³².

Архивы имперской канцелярии, хранящие тайны придворной жизни и дипломатической игры, или хранилища Константинопольской патриархии оставались ему неизвестными. Зато Малала широко использовал устную традицию для описания многих событий конца V—VI в. Он знакомился с рассказами очевидцев старшего поколения. Значительную роль в создании исторического сочинения Малалы, естественно, сыграли личные наблюдения и жизненный опыт автора. По его словам, о времени Зенона и о правлении Юстиниана, своей современности, он писал самостоятельно.

В основе всемирно-исторической концепции Иоанна Малалы лежит

³² Chrysos E. Eine Konjektur zu Johannes Malalas // *Jahrbücher österreichisch-byzantinische Geschichte*. 1966, XV; Moravcsik G. Op. cit. - S. 330.

библейская традиция³³. История сотворенного мира есть, по его мнению, прежде всего история библейских народов, поэтому большое место у него занимает история древнего Востока. Среди этих народов особое место отводится истории еврейского народа³⁴. Библейская история служит у Малалы своего рода хронологической сеткой для синхронного сопоставления истории других стран.

Вместе с тем, трудно согласиться с Л.А. Самуткиной, которая делит сочинение Малалы на 4 блока:

1. «допотопная цивилизация» (начало кн. I);
2. «языческо-иудейская цивилизация мифологических царей, евреев, вавилонян, ассирийцев и персов» (кн. I-VII);
3. «языческо-христианский мир македонян и римлян» (кн. VIII-XVII);
4. «христианско-варварская цивилизация» (XVIII кн.).

Л.А. Самуткиной также отмечается, что в хронике рассматриваются «две языческие цивилизации». Далее из контекста видно, что это древневосточная и языческая античная (македонско-римская), «которая начинается с Александра»³⁵.

На самом деле логика повествования и распределение содержания книг у Малалы следующее:

1. Времена Адама
2. Мифология
3. Времена, когда Авраам узнаёт Бога
4. Времена владычества (державы) аргивян
5. О временах Троянских
6. Времена державы ассирийцев и Аскания, сына Энея
7. Об основании Рима

³³ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 46.

³⁴ Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971.- 32. - С. 3.

³⁵ Самуткина Л.А. Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Аристей. - № 1.- 2010. - С. 154.

8. Время македонян
9. Время римских консулов [Цезарь, Антоний и Октавиан]
10. Времена правления Августа и воплощения Бога
11. Время императора Траяна и Третьего Бедствия в Антиохии (Антонины)
12. Время императора Коммода и организация Олимпиады
13. Время императора Константина [и его преемников до конца правления Аркадия и Гонория]
14. Правление Феодосия Младшего. До начала правления Льва Младшего
15. Время правления императора Зенона. До начала правления императора Анастасия
16. Эпоха императора Анастасия
17. Эпоха императора Юстина.
18. Эпоха императора Юстиниана.

Таким образом, план хроники очевиден. Все темы достаточно спутаны. В изложении греческой мифологии и истории особенно много путаницы, одно часто переходит в другое. Библейский логос очень лаконичен и быстро сходит на нет вместе с историей евреев, служа довольно долго лишь хронологическим индикатором. Четко выделяется христианский (евангельский) логос, но он быстро растворяется в римской императорской истории. Византийские книги, начиная с Феодосия Младшего, образуют вполне цельный логос, единый по манере изложения, структуре, содержанию и распределению материала.

Поэтому сочинение Малалы - ни в коем случае не чисто церковное сочинение, и лишь относительно - христианское. Красной нитью через него проходит антикварианизм и ощущается средневековое искажение в объяснении как событий, так и отдельных феноменов.

1.2. Специфика освещения истории в «Хронографии»

Как уже было отмечено ранее, Иоанн Малала по социальному положению был чиновником и состоял на государственной службе. Он написал «Хронографию» в XVIII книгах³⁶, которая претендует на охват всеобщей истории человечества от Адама до современных писателю дней. События древней истории у Малалы излагаются в хронологическом порядке. Язык его произведения представляет собой низкий народный стиль, понятный широким слоям населения³⁷. Произведение является всемирной хроникой, написанной с христианских позиций. Оно было создано в первой половине VI в. в своих первых редакциях, а закончено со смертью императора Юстиниана I в середине 60-х гг. Изучение хроники позволяет определить некоторые особенности ранневизантийского антикварианизма³⁸. Авторская позиция к древней истории анализируется по следующим направлениям: источники и подход к ним, культурно-географический аспект, хронологический аспект, отношение к язычеству и мифологии, отношение к древнеримской истории, связь древности с современностью.

Труд Малалы большей частью компилятивен, хотя для современного автору времени дает уникальную информацию о фактах, очевидцами которых он являлся. В древней истории активно привлекаются в качестве письменных источников произведения множества античных писателей, зачастую вторично.

Даются ссылки на 75 авторов, в том числе на Моисея и библейские книги, хронистов Кастора, Харакса, Юлия Африкана, Евсевия Кесарийского, Евставия, а так же Феофила, Климента, Тимофея, поэтов Гомера, Софокла, Эврипида, Вергилия, Овидия, историков Геродота, Манефона, Полибия, Тита Ливия, Саллюстия, Иосифа Флавия, Диодора Сицилийского, Плутарха, Павсания, Арриана, Евтропия грамматиков Сервия, Диктиса Критского, Сисипа,

³⁶ Удальцова З.В. Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971. 32. - С.5.

³⁷ Там же. - С.8.

³⁸ Там же. - С.10.

философов Орфея, Пифагора, Платона, Палефата, Порфирия, Гермеса Трисмегиста³⁹.

По мнению исследователей, большая часть цитат взята из вторых рук, так как автор часто неточно воспроизводит источники, на которые ссылается⁴⁰. Для автора очень важно сослаться на авторитет более древнего и, желательно, редкого писателя; некоторые исследователи полагают, что Малала даже выдумывал некоторые свои источники⁴¹.

В целом, древняя история представлена в его произведениях достаточно кратко и не может сравниться ни с одним античным антикварным произведением. В работе с античными письменными источниками для Малалы характерны выборочность, сокращение и изменение предоставляемого материала, а также повторы и некоторая противоречивость, что связано с отсутствием анализа при компилировании из разных источников. Вместе с тем, что касается композиции, то тут автор достаточно самостоятелен. Он отказывается от табличной формы хроники Евсевия и пытается последовательно включить события в канву повествования, чтобы его хроника приняла более читабельную форму качества источников и свидетельств выступают скульптурные и архитектурные сооружения, надписи на них.

У Малалы описание сооружений занимает одно из самых важных мест, особенно для эллинистическо-римского периода, где оно является центральным. Здесь «Хронография» Малалы сближается с жанром «*patria*». Внимание автора сосредоточено на Антиохии, что позволяет исследователям предполагать использование автором информации из архивов этого города, анналы города упоминает и сам писатель, рассказывая о его переименовании в Теуполь (Mal. Chron. XVIII.29, ср. с переименованием города Саламин Августом в Диосполь после землетрясения (Mal. Chron. X.3)).

³⁹ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. - С. 138.

⁴⁰ Treadgold W. Early Byzantine historians... - P. 248-249.

⁴¹ Удальцова З.В. Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971. 32. - С.12.

Вполне возможно это имеет связь со стихийными бедствиями в различных городах и восстановительной деятельности императоров. Малала дает описание таким строениям, как колоннадам, базиликам, мостам, акведукам, баням, нимфеям, монументальным воротам, тетрапилонам, гимнасиям, ипподромам, театрам, библиотекам, монетным дворам, оружейным фабрикам, амбарам для хранения зерна, дворцам, языческим храмам, синагогам, христианским церквям, статуям и скульптурным украшениям, стелам, мозаикам, которые были построены различными императорами в Антиохии, Константинополе, Александрии и других городах. Все это подтверждено археологическими раскопками⁴².

Рассказывая о Константинополе, он говорит о древностях в контексте строительства Септимия Севера (Mal. Chron. XII.20): ипподром, Зевксипповы бани, Бизополь, храм Гелиоса, – и Константина (Mal. Chron. XIII.7-8): завершение ипподрома, его украшение статуями, кафизма, городские стены, храм Удачи, форум, порфировая колонна с бронзовой статуей Константина с семью лучами (где хранился палладий), колоннады Регия, базилика Сената, статуя его матери Елены, получившая название Августейон, завершение бань Зевксиппа, статуя Константина с богиней Тюхэ города в руках... Данная информация о постройках во многом сближается с информацией Иоанна Лида о константинопольских памятниках.

В контексте описания Зевксипповых бань⁴³ Малала упоминает древнейшее фракийское божество – «конного Зевса» (Mal. Chron. XII.20). В связи со строительной деятельностью Севера и Константина говорится о древнейших временах Византа и Фидалии (Mal. Chron. XII.20, XIII.7).

Малала упоминает также дерево Ноева ковчега в Писидии (по Пергаму Памфилийскому) (Mal. Chron. I.4), предохраняющий от чумы талисман в виде лика в Антиохии (Mal. Chron. VIII.22), статую в честь Господа в Панеаде,

⁴² Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 84.

⁴³ Там же. – С. 86.

поставленную Вероникой во времена Ирода (Mal. Chron. X.12), храм матери Реи в Кизике, поставленный аргонавтами и превращенный в храм Богоматери во времена Зенона (Mal. Chron. IV.12), храм аргонавтов, посвященный неизвестному крылатому божеству, превращенный Константином в храм архангела Михаила (Mal. Chron. IV.13), статуи Зевса Керавния и Афины с благодарственной надписью «Римлянам от антиохийцев» (Mal. Chron. VIII.31), статуя Веспасиана на Херувимских воротах в Антиохии из иудейских трофеев (Mal. Chron. X.45), алтарь первородному Богу от Августа на Капитолии (Mal. Chron. X.5), каменная стела с надписью о щедрости Антонина Пия в Александрии (Mal. Chron. XI.24) и т.д.

Как указывалось, Малала привлекает архивы и эпиграфику и стремится использовать какой-нибудь редкий источник, например, при рассказе легенды о Фебруарии ссылается на «Сообщения» неизвестного римского летописца Брунихия, найденные им в Салониках (Mal. Chron. VII.12).

В основе хроники Малалы лежит библейская история, в которую он пытается интегрировать все остальные народы. Несмотря на библейский стержень, центральное место в древнейшей части хроники занимают античные греческие и римские сюжеты⁶. Основное содержание древнейшей части (книги I-VI) представляет собой реинтерпретацию языческих мифологических сюжетов⁴⁴.

Греческие языческие боги представлены в качестве исторических персонажей, правителей и философов, потомков первых людей из Библии: в частности, родоначальник греческих божеств Крон у Малалы является сыном Сима, старшего сына Ноя (Mal. Chron. I.8). Малала представляет его в качестве родоначальника всех царей Востока и Запада. Его потомками и царями являлись Зевс Пик, Арес, Гермес, Гефест, Гелиос, получившие свои имена в честь планет, названия которым дал сын Адама Сиф. Цивилизация распространяется с Востока на Запад. Цивилизационная модель писателя является монархией, структура библейско-античного логоса его хроники разби-

⁴⁴ Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. – Иваново, 2001. – С.28.

та по царствам. Исследователи отмечают, первые книги хроники представляют собой невероятный конгломерат событий из библейских преданий, греческой мифологии, истории Ассиро-Вавилонии, Персии, царского и республиканского Рима, Македонии и Египта.

Тем не менее «Хронография» обладает четкой структурой и логикой – прослеживается стремление автора параллельно и с определенной последовательностью повествовать о царствах в порядке их образования, начиная с ассирийского и египетского, затем обращаясь к греческим и завершая древнейшими римским и македонским царствами, синхронизируя все это с израильской историей. Таким образом, он собрал под одной обложкой древневосточную, библейскую и легендарную античную историю⁴⁵.

В область интересов писателя, кроме всемирной или обще-римской тематики, попадает и локальная традиция – Антиохия у Малалы в центре внимания с VIII книги по середину XVIII.

Хронология играет главную роль в работе Малалы, цель которой – доказать, что Рождество Христово произошло в 5500 году, в результате чего «субботний» (Mal. Chron. X.2) 6000 год выпадает на начало VI века, начинающего седьмое тысячелетие, в котором, согласно эсхатологическим ожиданиям средневековья, должно произойти Второе Пришествие⁴⁶. Это время конца света и катастроф. Эсхатологические тенденции проявляются в XVIII книге, где появление комет расценивается как зловещие предзнаменования (напр., Mal. Chron. XVIII.52); рассказывается о пророчествах и чудесных явлениях; как Божьи наказания рассматриваются землетрясения, засухи, эпидемии; говорится об учащении всенародных молитв, войн, мятежей. Ключевым событием, по мнению исследователей, является землетрясение в Антиохии во времена Юстина I.

⁴⁵ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 104.

⁴⁶ Кобзева А.В. Античная мифология в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (198). - Вып. 33. Белгород.2015. - С. 40.

Несмотря на высокое внимание к хронологии – Малала постоянно пересчитывает количество лет по эре от Адама в связи с важными, на его взгляд, событиями (напр., *Mal. Chron.* I.2, I.4, I.5, VIII.2, X.2), – для древности попытка синхронизировать разрозненные события и хронологические системы древневосточной, греческой, римской и библейской истории заканчивается провалом. Еще большая путаница происходит из-за встраивания в историю сюжетов греческой мифологии, в результате Малала допускает чудовищные ошибки, например, времена Энея в Италии у него совпадают с периодом классической Греции, переселением евреев из Вавилона в Иерусалим и правлением Артаксеркса III в Персии (*Mal. Chron.* VI.25-28).

Для Малалы также характерно использование различных хронологических систем с тенденцией к совмещению их относительно особо важных событий. Он ведёт хронологию по эрам от Адама, по индиктам (византийская часть), по антиохийскому календарю, по консульствам, по годам правления императоров, по правителям различных провинций империи или зависимых областей – губернаторов, топархов⁴⁷. Важные события датируются буквально по часам, автор указывает точный день, совмещая разные хронографические системы: общегреческий календарь, древне-римский календарь, лунный календарь и недельное деление иудеев, например для Распятия: «Господь наш Иисус Христос был распят за семь дней до апрельских календ, 24 марта, в 14-й лунный день. Был 6-й час дня, который именуется пятницей». Для погребения: «Иисус Христос был похоронен в десятый час этой пятницы, в консульство Сульпиция и Суллы, в 79-м году по календарю Антиохии Великой, в то время как Кассий, который был назначен Тиберием Цезарем, был правителем Сирии». Для Воскресения: «Иисус, наш Господь Бог, вос-

⁴⁷ Кобзева А.В. Античная мифология в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (198). - Вып. 33. Белгород.2015. - С. 41.

крес на 25-й день Дистра-марта, в десятом часу ночи, на рассвете воскресенья 26 марта, в 16-й лунный день» (Mal. Chron. X.14).

Относительно древнейших календарей Малала выказывает скепсис и недоверие: применительно к древнейшей египетской истории у него говорится, что за год считали обращения луны или цикл дней (Mal. Chron. I.15, II.1), таким образом, он нивелирует представление о глубокой древности истории египтян.

Начало истории Малала связывает с развитием человеческой культуры, поэтому культурный прогресс занимает значимое место в описании им древней истории. У него говорится, что сын Адама Сиф дал имена звездам и планетам, первым изобрел еврейские письмена (Mal. Chron. I.1), потомки Ноя построили ковчег и впервые изобрели лодки (Mal. Chron. I.4), египетский царь Гефест впервые изготовил орудия из железа (Mal. Chron. I.15), Геракл изобрел пурпурную краску (Mal. Chron. II.9), Аргус изобрел искусства, Атлас – астрономию, Прометей – письменную науку (Mal. Chron. IV.4) и т.д.

Применительно к древности важно проследить отношение к язычеству и мифологии. Хронист рассматривает античных языческих богов как исторических персонажей, правителей, военачальников или философов⁴⁸. Он считает, что в древности люди почитали воинов, прославившихся добродетелями, мудрецов или хороших правителей статуями, а затем в результате заблуждения стали поклоняться им как богам (Mal. Chron. II.43). Мифы, связанные с ними, он помещает в исторический контекст и пытается рационализировать⁴⁸.

В частности, все мифы, связанные с Зевсом, он соотносит с деятельностью могущественного древнего правителя Зевса Пика и его потомков,

⁴⁸ Самуткина Л.А. Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). – Иваново, 2000. – С. 41.

Сфинкс – это разбойница, стоглазый Аргус – хронист и др. (книги I-VI). Имена греческих богов он связывает с названиями планет и звезд.

Не менее значимую роль играют языческие оракулы. Малала стремится интегрировать их в контекст христианской традиции, единственным правильным Богом он считает христианского Бога, а оракулы оказываются связующим звеном между Ним и людьми применительно к древней истории до Рождества Христова⁴⁹. В отличие от христианских апологетов, он рассматривает оракулы не как демонов, а как ангелов, которые прорицают об истинном Боге и предвещают его пришествие.

Древнеримская история у Малалы начинается с приключений Энея, которые являются продолжением рассказа о Троянской войне (Mal. Chron. VI.19). По мнению исследователей, седьмая книга «Хронографии» Малалы (о Древнем Риме) представляет собой не легендарную историю, а описание обычаев римского народа, изложенных в хронологическом порядке их возникновения. Особое значение имеет связь с современностью, можно сказать, что древнеримская история – это фон, на котором происходит установление каких-либо обычаев, праздников и обрядов, введение календарных реформ или появление ритуальных предметов или инсигний, строительство культовых сооружений, что является актуальным для современности. В этом ключе наиболее важной для автора является связь Рима с Константинополем, которую он стремится подчеркнуть. Особо важна символическая роль ипподрома, устройство которого воплощает строение космоса и образ времени⁵⁰.

Описание происхождения и символического значения ипподрома помещено в контекст глубокой древности: Малала связывает его возникновение с первыми греческими состязаниями в мифические времена, а основоположником римских колесничных гонок считает Ромула; количество скульптур,

⁴⁹ Самуткина Л.А. Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)*. – Иваново, 2000. – С. 42.

⁵⁰ Там же - С. 44.

дорожек и строений показывает небесное устройство, количество и цвета команд – первоэлементы (Mal. Chron. VII.4-5).

Малала рассказывает о строительстве ипподрома в Византии Севером в соответствующем месте так же, как и об основании Константинополя Константином (Mal. Chron. XII.20, XIII.7). В то же время, описывая строительную деятельность Константина, антиохийский хронист стремится установить связь между Константинополем и Римом: он говорит о том, что император завершил ипподром и императорскую кафиэму в Риме, что Тихе города носит имя Анфуса (Mal. Chron. XIII.7-8), что Константин вывез из Рима палладий, спрятав его в колонну на форуме (Mal. Chron. XIII.7).

Таким образом, исследование отношения к древней истории Малалы показывает особенности его исторического подхода и метода: компилятивность, стремление сослаться на возможно большее число источников и их авторитет, выборочность материала, его изменение и сокращение, отсутствие критического анализа письменных источников, многочисленные ошибки; активное привлечение архивных материалов; использование памятников скульптуры, архитектуры и эпиграфики в качестве источников; исследование древней истории в контексте всех народов и культур ойкумены; хронологические ошибки, а в датировке сопоставление различных эр; рационализация и интерпретация мифов, доверие языческим оракулам, рассмотрение их в христианском контексте; акцентуация на важнейших вехах древнеримской истории (Эней, Ромул, Брут), символическое толкование древних событий, праздников, обрядов, инсигний, сооружений в связи с актуализацией древнейшего материала применительно к современности⁵¹.

«Хронографию» Иоанна Малалы в жанровом отношении нельзя определить однозначно, она представляет собой сочинение смешанного типа, отличающееся от других ранневизантийских хроник тем, что в ней нет строгого следования определенной хронологической системе (когда события

⁵¹ Moffatt A. A record of public buildings and monuments // Studies in John Malalas. - Sydney, 1990. – P. 97.

описываются по годам), наблюдается совмещение различных эр и систем датировок, зачастую приводящее к хронологической путанице⁵². «Хронография» содержит также компоненты церковной истории: это и ярко выраженное христианское мировоззрение автора, и применение библейской концепции истории, большое внимание и интерес к евангельским событиям и апостольским временам и мартирологии, – однако, в целом, Малала проявляет равнодушие к догматическим спорам между христианами и жизни Церкви в новейшие времена, ограничиваясь лишь упоминаниями о назначении епископов, а религиозные выступления описываются им в политическом контексте. На стыке политической и церковной истории расположено описание стихийных бедствий. Сюда также относятся сюжеты о языческих оракулах, предвещающих появление христианского Бога.

Также, несмотря на близость к жанру всеобщей истории, произведение Малалы имеет ряд отличий. Всемирная хроника Малалы призвана охватить всю историю народов и государств от Сотворения мира и появления Адама до настоящего времени, однако она короче любой античной всеобщей истории, гораздо более бессистемна и нелогична. Одним из важных моментов является историзация мифов применительно к древности, попытка ввести мифические персонажи в исторический контекст, что в принципе недопустимо для античной истории.

Но помимо хронологической и исторической составляющих для Малалы важен антикварный компонент. Интерес к древностям у Малалы служит двоякой цели: с одной стороны, разнообразить изложение и сделать «Хронографию» более читабельной, а с другой – антикварные изыскания Малалы зачастую служат для затыкания брешей и лакун в изложении всеобщей истории. Зачастую антикварный компонент доминирует над политической историей, события которой упоминаются лишь в контексте с антикварной информацией.

⁵² Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и медиализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – С. 157.

Изложенную Малалой антикварную информацию можно разделить на несколько направлений: городская история (описание происхождения городов, архитектурных и скульптурных сооружений и строительной деятельности в них), культово-праздничная история (описание фестивалей и праздничных игр, а также их обрядовой стороны, к ним примыкают ритуально-культовые церемонии при различных бедствиях); применительно к древности – культурная история (о культурных героях, различных изобретениях, являющихся неотъемлемой частью цивилизации, сюда же можно отнести и философов); описание сохранившихся останков героев, царей, философов, свидетельств исторических событий; интерпретация мифов, этимологические изыскания. Зачастую все направления тесно связаны между собой.

Таким образом, большую значимость для изучения антикварной истории имеют мифы, к которым Малала обращается для объяснения происхождения народов и государств, их различных обычаев, праздников, способа возведения сооружений. В описания Малалы часто включаются психосоматограммы, которые становятся неотъемлемой частью характеристики римских императоров, зачастую заменяя их политическую деятельность.

Для Малалы характерно также связывать древность с современностью: упоминая какой-либо праздник или обряд, сооружение или памятник, он часто приводит свидетельства их сохранности, имеющиеся у различных авторов (до их времен или своего собственного времени), прослеживает их дальнейшую судьбу. Поэтому он часто упоминает останки древних знаменитых людей или материальные свидетельства важнейших исторических событий.

Для Малалы как антиквара характерно привлечение огромного числа источников – в «Хронографии» их указано около 75. Некоторые источники считаются вымышленными, однако это подчеркивает стремление автора опереться на авторитет более древнего писателя. По некоторым проблемам писатель приводит мнения различных философов и ученых.

В то же время заметна некомпетентность хрониста в этих вопросах: зачастую он неправильно определяет род занятий своих источников, например, называет Цицерона поэтом; кроме того, сам Ма-лала в каждом тематическом блоке своей «Хронографии» в большинстве случаев ссылается всего лишь на 2-3 постоянных источника, выступая не как интерпретатор, а, скорее, как компилятор и переписчик, обнаруживая тем самым свою несамостоятельность.

ГЛАВА II. ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ЖАНР ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ

2.1. Источниковая база Пасхальной хроники

Заметное место в хронографии ранней Византии занимает сочинение анонимного хрониста, получившее название Пасхальная хроника. Ее непосредственное значение в истории византийского летописания определялось прежде всего тем, что в ней содержалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда происходит и само название Хроники.

«Пасхальная хроника – это анонимная хроника, которой также приписывают такие названия как Александрийская хроника, Константинопольская хроника и Сицилийские фасты . Пасхальная хроника имеет прямую зависимость с французским филологом Дюканжем (1610-1668), давшего ей название, ориентируясь по пасхальным таблицам, которые были начертаны на обратной стороне двух листов содержащей ее рукописи.

Основной текст хроники дошел до наших дней в виде греческой рукописи XI века, которая также известна как «Ватиканский кодекс № 1941», и несколькими ее списками XVI в. Рукопись представлена четырьмя листами спереди и тремя сзади, но несмотря на такой объем, у нее отсутствует начало и конец. Хроника заканчивается описанием событий 628 г. В середине Ватиканский кодекс имеет несколько пропущенных эпизодов в объеме от одного листа до нескольких⁵³.

Как уже отмечалось ранее, «Пасхальные хроники» сохранились в единственной рукописи. Ориентировочно их написание было завершено к 630 году. Как известно, это был переломный момент не только византийской истории, но и всего христианского мира. Именно в это время, при Императоре Ираклии, Византийская империя в трудной борьбе с зооастрийским Ираном

⁵³ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения; «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора // Тексты, перевод, комментарий. - М., 1980. - С. 216

оказалась на грани гибели, но в итоге выстояла и одержала блестящую победу. Честной Крест Господень был торжественно возвращен из персидского плена в Иерусалим. Данное событие и является завершающим моментом «Пасхальной хроники».

Вопрос авторства «Хроники» является довольно-таки дискуссионным вопросом. Существует мнение, что ее создатель являлся не просто историком, но и богословом, главной целью которого было составление новой хронологии, по его собственным словам, во всем согласованную со Священным Писанием и церковным преданием.

Пролог «Пасхальных хроник» - это первая часть произведения, посвященная вопросу новой системы летосчисления, в которой творение мира отнесено к марту 5509 г. до н.э. Пролог представлен самостоятельным произведением, которое содержит подборку цитат из Библии и творений Святых Отцов (многие из них уникальны)⁵⁴. Изучению Пролога посвящена обстоятельная работа французских византистов, что нашло отражение в обстоятельном комментарии к переводу.

Автор своеобразно разработал новую мировую эру и счел необходимым привести в соответствие с ней всю нить мировой истории, чему послужила вторая часть «Пасхальной хроники», которая получила название «Эпитома времен». В современной публикации повествование Эпитомы доходит от Адама до Фарры, отца Авраама. Значительные трудности, возникающие в процессе перевода сочинений такого рода перед современным переводчиком, естественно, замедляют процесс изучения «Пасхальных хроник»⁵⁵.

Ввиду этого, предполагается активное применение материалов различных источников, а также знание предшествующей хронологической традиции. Все это необходимо для того, чтобы не распутывать противоречия и непоследовательности, неизбежные в компилятивных сочинениях. Помимо это-

⁵⁴ Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности / Автореф. докт. дисс. - Белгород, 2013. - С.22.

⁵⁵ Там же. - С.25.

го грандиозная панорама всемирной истории требует множества фактической информации, ориентирующей читателя в исторических реалиях самых разных стран и эпох.

Материал «Пасхальной хроники» можно разделить на три части: «время», «событие», «комментарий». Время является главной частью в этой триаде. Вторая часть - событие, другими словами, история, является указателем времени, и третья часть - комментарий, который часто оказывается чужим текстом, касается и определителей времени, и события (весьма редко), и деятелей ветхозаветной и новозаветной истории (пророков, апостолов, святых)⁵⁶.

Поток времени в «Пасхальной хронике» описан различными способами. Например, до Авраама время описано по поколениям, а начиная с Авраама автор разделяет время по правлениям, каждое из которых, в свою очередь, делится по. Таким образом, начиная с Авраама, можно весь текст разделить на правления (патриархов, царей, императоров), а период правления разделен по годам.

Изложение исторического материала в хронике строится применительно к ее основной задаче; хронологические выкладки автор как бы сопровождает историческим комментарием, пытаясь облечь хронологический костяк в плоть и кровь исторического повествования. Хроника состоит из подробного перечня событий, подчиненного строгому хронологическому порядку и разукрашенного различными вставками на исторические сюжеты, занимательными рассказами, историческими реминисценциями.

В передаче событий до 532 г. хроника сугубо компилятивна, она похожа здесь на пеструю мозаику, сложенную из отдельных отрывков сочинений древних авторов. Для древнейшего периода истории главным источником

⁵⁶ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV-XVIII вв. - СПб., 2002. - С. 87.

хрониста был Секст Юлий Африкан, данные которого он согласовывал с Библией.

Для исчисления пасхалий хронист пользовался сочинениями Евсевия и каким-то неизвестным источником, возможно восходящим к Пандору или Анниану. Известия Псевдо-Каллисфена почерпнуты, вероятно, в доступной автору хронографии Иоанна Малалы (полной редакции). Начиная с описания событий времени Римской республики писатель привлекает такой ценный источник, как консульские списки (фасты). Это тот же латинский источник, который использовал епископ Идатий для своей латинской Хроники. Автору были известны также пасхальные таблицы александрийского и антиохийского диоцезов.

Из христианских источников широко используются Библия, жития и мученичества святых, церковные истории Евсевия и Епифания. Анониму известно, например, произведение Епифания «Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν». Главы о патриархах и пророках, об Иоанне Продrome, апостолах Петре и Павле, о мученике Стефане взяты из «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова⁵⁷.

В основу освещения собственно византийской истории была положена Хроника Иоанна Малалы, которую автор иногда переписывал дословно. Помимо этого привлекался агиографический, а иногда и законодательный материал. Так, в Пасхальной хронике полностью приведен эдикт Юстиниана об истинной вере⁵⁸.

События 532—600 гг. переданы не только по известным нам письменным источникам, но использована, видимо, устная традиция и какие-то иные ныне утраченные памятники. В этом аспекте особый интерес представляет оригинальная трактовка в Пасхальной хронике восстания Ника:

⁵⁷ Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточно-христианской традиции. – М., 2014. – С. 134.

⁵⁸ Там же – С. 139.

наличие дополнительных источников и использование данных устной традиции позволили автору дать собственную версию трагических событий в Константинополе в январе 532 г.⁵⁹.

После 532 г. и вплоть до конца правления Маврикия хроника скудеет событиями и состоит почти целиком из консульских фаст. Наибольшее значение в качестве вполне самостоятельного исторического источника имеет ее последняя часть, охватывающая время с 600 по 628 г. Конец царствования Маврикия, переворот Фоки и особенно первые семнадцать лет правления императора Ираклия описаны с большой полнотой, рассказ писателя становится подробнее, живее, красочнее, очевидно, потому, что он являлся современником изображаемых событий.

В некоторых частях Пасхальная хроника не лишена занимательности. Перечисление 12 городов, в название которых входит имя Александра Македонского, описание строительной деятельности Септимия Севера, а также рассказ об императрице Евдоксии и Павлине явно свидетельствуют о стремлении автора приукрасить повествование и сделать более привлекательным сухой хронологический перечень событий. Однако интерес писателя к хронологии всегда остается на первом плане. В точности ее воспроизведения — сильная сторона его сочинения⁶⁰.

Значение Пасхальной хроники, однако, выходит далеко за рамки упорядочения хронологии с целью установления строгого канона вычисления даты Пасхи и других церковных праздников, хотя сам хронист, да и его средневековые читатели именно в этом видели основную ценность его труда.

В научной литературе, начиная с К. Крумбахера и кончая Г. Хунгером, Пасхальная хроника оценивалась обычно как посредственное произведение компилятивного характера, а собственная работа хрониста, если исключить

⁵⁹ Там же – С. 141.

⁶⁰ Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточно-христианской традиции. – М., 2014. – С. 152.

упомянутую современную ему часть сочинения, представлялась крайне незначительной⁶¹. Считалось, что автор ограничивался случайным сокращением и соединением источников. Нередко встречающиеся в Хронике фактические погрешности и ошибки служили доказательством его невежества.

В научном и литературном отношении Пасхальная хроника ставилась гораздо ниже произведений Евсевия и Синкелла; исследователи полагали, что она оказала большое влияние на средневековое летописание и потому заняла в хронографии последующего времени якобы незаслуженно выдающееся место лишь вследствие популярности изложения материала.

В последние годы, однако, в связи с возрастанием в научной литературе интереса к проблеме понятия исторического времени происходит постепенная переоценка византийской хронографии в целом и Пасхальной хроники в частности. Французские византилисты на основе изучения пролога к последней попытались суммировать то новое, что внесла византийская хронографии, в том числе Пасхальная хроника, в эволюцию понимания исторического времени⁶². Объект исследования, на наш взгляд, был избран правильно. Действительно, в Пасхальной хронике в концентрированном виде отразились все достижения христианской исторической мысли в выработке единой хронологической системы, где отсчет исторического времени ведется от 5507 г., или от «сотворения мира». Христианской историографии, создавшей единую историко-философскую концепцию и новое понимание исторического времени, необходимо было упорядочить и хронологию, в которой до того царил невероятный разноречивый. Существовали различные хронологические системы и эры, различные способы летосчисления.

⁶¹ Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности / Автореф. докт. дисс. - Белгород, 2013. – С.27.

⁶² Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. - № 6(1). – С. 225.

Требовалось привести многообразные хронологические системы в соответствие с эрой «от сотворения мира», что означало по существу замену многочисленных и порою случайных способов летосчисления единым временем, освященным христианской традицией. Само понятие «время» теологизировалось: все более упрочивалось богословское представление, согласно которому единое время было создано, как и все сущее, единым богом вместе с «сотворением мира» и будет длиться до бесконечности⁶³.

Эта философская и богословская презумпция должна была теперь быть воплощена в историческую реальность. В Пасхальной хронике, особенно в ее прологе, вырисовываются новые черты отношения христианской историографии к историческому времени.

Во-первых, в отличие от тех исторических сочинений («историй»), где на первом месте стоят события и раскрываются их внутренняя, причинная связь и логическая последовательность, во всемирных хрониках главная роль отводится времени, а следовательно, и хронологии. Хронология выступает у их авторов и целью и методом исторического повествования. Она даже оказывается важнее событий⁶⁴. События отныне непременно связываются с определенной датой, когда же примечательные события отсутствуют, хроника регистрирует смену лет или «чистый» ход времени.

Продолжительность и последовательность событий используются для расчета времени и установления хронологии. Иными словами, событийное изложение заменяется временным.

Во-вторых, хронологии придается теологический характер. Приняв а основу всемирно-исторического процесса его библейскую концепцию хронисты пытаются все важнейшие исторические даты соотнести с ветхозаветными и новозаветными событиями, иными словами придать хронологическим расчетам некую сакральную значимость и весомость.

⁶³ Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. - № 6(1). – С. 227.

⁶⁴ Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиэвистами историю делили // Диалог со временем. – 13. – 2004. – С.58.

Хронология теперь — это не только рамки, в которые вставляются события, и ее главная цель — не только определение даты того или иного события. На передний план выдвигается иная задача — доказать, что та или другая дата подтверждается библейской традицией, что она верна с богословской точки зрения. К этому присоединяется еще весьма важная для церкви практическая проблема — определение сроков религиозных праздников⁶⁵.

В-третьих, теологизация хронологии повлекла за собой введение в летосчисление элементов символизма. Символика чисел в различных ее формах была известна многим древним народам. Заинтересовала она не без влияния ближневосточных традиций и христианских богословов.

Хронисты, однако, были увлечены не только самой этой символикой, но богословским смыслом чисел, который они старались отыскать, установив их тесную связь с церковной традицией. Тожественность чисел, их закономерное чередование, совпадение дат и хронологических циклов занимали их не сами по себе как некая «игра» или магическое действие, а прежде всего в качестве весомого в их глазах аргумента для доказательства правильности христианской системы хронологии⁶⁶.

Вместе с тем хронология все больше окутывается христианской символикой и окружается некоей сверхъестественной тайной. Этим подтверждался ее самодовлеющий характер, ибо именно в той степени, в какой можно проникнуть в «сокровенные тайны», времени, хронология, по мнению христианских хронистов, придает особый смысл самой истории 47. Отсюда вытекала еще одна существенная черта отношения христианских хронистов к проблеме времени — их стремление исторически обосновать освященные церковной традицией даты⁶⁷.

⁶⁵ Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. — М., 1984. — Т. 45. — С. 60.

⁶⁶ Там же — С. 60.

⁶⁷ Там же — С. 65.

Исторической дате зачастую отдается предпочтение перед символической. Это значит, что в соответствующем пункте времени хронологические сведения Ветхого завета, литургические каноны церкви и новозаветные даты совпадают. По существу речь шла о том, чтобы хронологически упорядочить все события всемирной истории — «от Адама» до «воскресения Христа»⁶⁸. Естественно, что никому из хронистов, в том числе и автору Пасхальной хроники, не удалось полностью осуществить эту задачу. Сама попытка связать хронологию с христианской исторической концепцией, теологизировать хронологическую систему «от сотворения мира» и вместе с тем историзировать хронологические даты Ветхого и Нового завета, разумеется определялась общей религиозно-богословской «сверхзадачей», выдвигавшейся идеологами церкви, — необходимостью создания и окончательного упорядочения христианской догматики.

Если церковные историки ранней Византии, в первую очередь Евсевий и его последователи, старались реконструировать в духе христианской традиции документально обставленную событийную историю, то христианские хронисты строили для нее проверенный и исторически подтвержденный хронологический костяк⁶⁹. Он базировался на библейском материале, но вместе с тем должен был подвести под него историческое обоснование. Ведь путаница в хронологических системах и эрах зачастую подрывала веру в историчность библейских событий, что обеспечивало дополнительные аргументы противникам христианства.

У авторов всемирных хроник, при всех различиях в их таланте и в их манере изложения, была, таким образом, одна общая цель: исторически подкрепить церковную традицию и христианское понимание исторического времени — отсюда и их обращение именно к жанру всемирной хроники. Такая цель достигалась различными путями. Одни хронисты отдавали предпо-

⁶⁸ Аверинцев С.С. От античности к Средневековью (V-VI вв.): Латинская литература // История всемирной литературы – М., 1984. – С. 446.

⁶⁹ Там же – С. 451.

чение символикe, другие — историзму. Большинство соединяло в своих повествованиях и то и другое. В иных хрониках символичность проявлялась лишь по отношению к отдельным событиям, связанным с определенными датами. Иногда, как это наблюдается в Пасхальной хронике, символизированный подход сопрягался со всей хронологической системой в целом.

Символизм проявлялся здесь в широком применении своеобразного «математического» метода, который позволял свести конкретные особенности событий отдельного года к общей модели — путем определения его места в повторяющемся цикле. А символичность тогда только и возникает, когда вырисовывается некое «тождество»⁷⁰.

Новая хронологическая система признавала «родство» между цифрами и именами: так, для обозначения четырех дней недели (воскресенья, понедельника, вторника и среды) греческий язык предлагает полное тождество между названиями этих дней и цифрами, обозначающими их порядковое место в неделе. Этот факт показывает, по мнению хрониста, что греческие буквы и цифры, числа и слова составляют единство, в котором все элементы зависят друг от друга. День недели не только имеет «правильное» наименование, но и включает в себе определенный тип событий. Поэтому, с точки зрения хрониста, можно считать, что хронология в какой-то степени содержит и самый смысл событий, происходящих во времени.

Следовательно, не история повествует о времени, а время об истории. Хронология приобретает поэтому в известной мере «пророческий» характер, вследствие чего новая система позволяла вычислять даты Пасхи до «скончания света». Автор Пасхальной хроники неоднократно пытается установить символическую связь между событием и его датой 48. Правильность

⁷⁰ Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. — М., 1984. — Т. 45. — С. 65.

хронологии — это в представлении хрониста не только историческая, но и теологическая необходимость⁷¹.

Основные выводы автора Пасхальной хроники сформулированы им в прологе к его сочинению. Церковные праздники, по его утверждению, отмечаются в хронологически правильно установленные дни; представленные в его труде циклы для исчисления Пасхи (солнечный цикл — в 28 лет, лунный цикл — в 19 лет и цикл в 532 года) соответствуют реальности исторического времени. Начало цикла в 532 года является для автора не символической датой «воскресения» Христа, но его исторической датой.

При исчислении даты Пасхи автор Хроники опирается на постановления Никейского собора (как, впрочем, и все другие христианские хронисты). Годы «от сотворения мира», указывает он, отсчитаны в его Хронике верно и соответствуют исторической реальности. Все утверждения хрониста логически связаны между собой, вытекают одно из другого и подтверждают друг друга⁷². Гарантией правильности дат служат, с точки зрения автора, «божественные установления», природные явления (для солнечного и лунного цикла) и церковная традиция.

Обоснованность предложенной хронологической системы подтверждается, таким образом, каждым из этих элементов, за исключением одного пункта: события, о которых не сказано в Писании, особенно события, происходившие после «страстей господних», не имеют, по мнению хрониста, небесной гарантии. «Страсти господни» — своего рода поворотный пункт. В плане техническом — циклы в 19 и 28 лет исчисляются «от сотворения мира», цикл в 532 года считается с «воскресения».

В символическом плане — ни одна из дат, следующая за «воскресением», не подвергается интерпретации указанного выше типа; явно заметна убыль символичности. Последнее обстоятельство, по-видимому, объясняется

⁷¹ Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. - № 6(1). – С. 227.

⁷² Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. - № 6(1). – С. 228.

тем, что время «от сотворения мира» до «воскресения» представляется замкнутым и это позволяет увидеть символическую связь между датой и событием. Напротив, время после «воскресения» — открытое время; поэтому значимость которая заключена в событиях, еще не может проявиться.

Таким образом, время до и после Пасхи обладает разным «качеством», а история — различным статусом: до Пасхи историк имеет дело с законченной, написанной историей, поддающейся расчету и толкованию; история после Пасхи не закончена, смысл ее еще не определен

Пасхальная хроника написана простым языком, близким к народному. Анонимный автор сочинения был, по-видимому, грек, связанный с Константинополем и Константинопольской патриархией. Влияние восточных традиций в стиле и языке его труда проявляется в меньшей степени, чем в сочинениях других современных ему хронистов.

Как Иоанн Малала и Иоанн Антиохийский, писатель черпал некоторые образы, метафоры, пословицы и поговорки, занимательные рассказы в устной традиции и народном творчестве. Однако в отдельных частях Хроники материал изложен сухо и лапидарно, что объясняется обилием математических расчетов и превалированием хронологии над описанием событий.

По яркости изложения и образности языка Пасхальная хроника уступает сочинениям других современных ей хронистов, особенно хронографии Иоанна Малалы.

Вместе с тем доступность изложения сложных математических выкладок, четкая система вычисления Пасхалий, логика авторского мышления в сочетании с христианской ортодоксальностью обеспечили этому произведению широкое распространение и сделали его в течение всего средневековья излюбленным чтением византийских монахов.

2.2. Значение Пасхальной хроники в ранневизантийской хронографии и современной науке

«Пасхальная хроника» - произведение, скомпилированное из Библии, многих хроник, богословских произведений, церковных историй, документов. События же взяты из Ветхого и Нового Завета, «Таблиц» Евсевия Кесарийского, из «Хронографии» Иоанна Малалы, городской хроники Константинополя, свидетелями которых, как признается в науке, являются фасты Идация, хроника Марцеллина комита. «Церковная история» Евсевия Кесарийского и авторов круга арианского историка Филосторгия, эдикты императоров Диоклетиана стали источниками для темы «Христианские мученики первых веков Римской империи и во времена краткого правления Юлиана Отступника». Письма императора Ираклия, послание сената Константинополя к персидскому царю служат автору для описания событий его времени.

Часть заметок появилась под влиянием богословских толкований. Такими стали погодные заметки с пророчествами больших и малых пророков. Эти пророчества были объектами толкования, и автор счел необходимым вынести их отдельно как значимые события Священной истории. Большие цитаты из Ветхого Завета о значимых событиях в жизни патриархов предваряли богословские толкования, давая читателю библейский материал, который позднее станет объектом толкования.

Судьба «Пасхальной хроники» необычна. Вероятно, с VII в. она находилась в одном экземпляре без востребования в Константинополе, потому что на нее не ссылаются хронисты последующих веков. В X в. она была переписана, в XVI в. попала из Константинополя в Европу, и уже здесь с нее было сделано несколько копий, которые были изданы. «Пасхальная хроника» стала известна. В наше время «Пасхальная хроника» выступает как редакция «Хронографии» Иоанна Малалы, «Хроники» Ипполита Римского, письма

александрийского патриарха Феофила (383-387 гг.) императору Феодосию I, «Христианской топографии» автора VI в. Козьмы Индикоплова⁷³.

«Пасхальная хроника», в последний раз изданная Л. Диндорфом в 1832 г., в основном с опорой на издание Дюканжа в XVII в., стала предметом изучения в XX веке дважды. Как Пасхалию ее изучали во Франции. Были определены принципы вычисления праздника Пасхи, взаимоотношение хронологии и истории, подготовлено научное издание перевода на французский язык «Вступления к Пасхальной хронике»⁷⁴. В Англии «Пасхальную хронику» рассматривали как исторический источник событий VI— VII вв., поэтому было подготовлено научное издание английского перевода последней части хроники.

Текст эпитомы «Пасхальной хроники» предстает в изданиях непрерывным потоком, не расчлененным на книги или разделы. Поскольку издание «Пасхальной хроники» длительный процесс, то необходимо определить принципы деления текста, с тем чтобы каждая часть была связной и самодостаточной. Главный принцип проистекает из описания времени. Поэтому мы сочли возможным остановиться на времени отца Авраама Фарры, так как только со времен Авраама автор выделял каждый год, т. е. его повествование превратилось в анналы. Вторым аргументом в пользу начала второго тома со времен Авраама служит тот факт, что Евсевий Памфил начал свою «Хронику» с Авраама. Его «Хроника» стала вторым по значению «скрытым» источником событий, хотя аноним охотно называет и цитирует его «Церковную историю»⁷⁵.

Разделы хроники можно разграничить по смыслу. Они включены в определенные временные рамки как их характеристики. Так, раздел «Расселение народов» помещен во времена Фалека, а «Царство богов» характеризует период со времени строительства Башни до Серуха. Раздел

⁷³ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV-XVIII вв. - СПб., 2002. - С. 95.

⁷⁴ Бикерман Э. Хронология древнего мира. - М., 1976. - С. 200.

⁷⁵ Там же. - С. 205.

«Патриархи (продолжение)» указывает на возвращение к прерванному образу в описании времени по поколениям ветхозаветных патриархов⁷⁶.

Традиционно «Хронография» Иоанна Малалы и «Пасхальная хроника» упоминаются рядом как истоки средневековой хронистики, но трудно назвать более разные по духу сочинения, чем эти два, хотя последнее на треть состоит из первого.

«Пасхальная хроника» — сочинение клерикальное. Автор решает хронологические проблемы Пасхи, излагает, главным образом, события Ветхого и Нового Завета, его интересуют проблемы истории церкви, он приводит материалы вселенского Собора в Константинополе во времена Юстиниана Великого, он пишет о подвигах христианских мучеников и о христианских императорах и епископах. В его труде нет места объективности, он пристрастен и всегда готов оправдать христианина. Автор говорит о Боге от своего лица или так строит фразы, что создается иллюзия, что мы читаем его декларации. Однако при этом в «Пасхальной хронике» господствуют число и математические вычисления.

Автор составляет всяческие реестры и перечни. Первый перечень — народы, населяющие ойкумену, затем знаменитые города в семи климатах. Поражают списки больших и малых пророков, консулов, двенадцати и семидесяти апостолов, перечисления многочисленных христианских мучеников. Император первых веков империи имеет свой порядковый номер, как и цари Иудеи и Израиля⁷⁷.

Иоанн Малала почти не цитирует Ветхий Завет, а истории пророков рассказывает по апокрифам. Сирийский хронист не цитирует Отцов Церкви, но упоминает таких античных авторов, как Гомер, Орфей, Софокл, Еврипид, Овидий, вспоминает Паллоса и Гермеса Трисмегиста.

⁷⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения; «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора // Тексты, перевод, комментарий. - М., 1980. - С. 76.

⁷⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира. - М., 1976. - С. 208.

Он излагает на многих страницах рационализированные мифы Древней Греции, Рима, незначительную часть которых приводит автор «Пасхальной хроники» в разделе «Царство богов». Определение понятия Бога, христианской догмы Иоанн Малала вкладывает в уста своих персонажей. Он объективен в описании борьбы язычества с христианством, деяния апостолов он излагает по преданиям. Иоанн Малала не признает комментарии, и главным компонентом его труда становится событие государственного, а не церковного значения. Он излагает события по правлениям царей, а летосчисление от сотворения мира (от Адама) применяет лишь при изложении особо важных событий, связанных с вмешательством Бога в историю цивилизаций. Единственное, что объединяет этих авторов, — это идея провиденциализма⁷⁸.

«Пасхальная хроника», в процессе исторического толкования становится хроникой особого образца. О подобной хронике, но на другом и более позднем историографическом материале и с большим вниманием к форме, писала Н.В. Пигулевская: «Новая форма исторического сочинения была смешанного типа, определившего развитие мировой историографии, сочинения, в которых сохранялась строгая канва погодных записей, с соблюдением последовательности лет. В эти «хронографии» наряду с краткими заметками, занесенными под данный год, вписывались подробные сообщения, целые главы, детально излагающие события».

Таким образом, Пасхальная хроника - хроника охватывает историю от сотворения мира до 630 г. Состоит из Пролога и Эпитомы времен от первоначального человека Адама до двадцатого года царствования Ираклия Благочестивейшего⁷⁹. Обрывается событиями 628 г. Известна также как Александрийская или Константинопольская хроника, а также Сицилийские фасты. Обсуждается вопрос правильного исчисления Пасхи и связанный с

⁷⁸ Аверинцев С.С. От античности к Средневековью (V-VI вв.): Латинская литература // История всемирной литературы – М., 1984. – С. 451.

⁷⁹ Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. – М., 1984. – Т. 45. – С. 63.

этим цикл индиктиона в 532 года. Начало эры автор исчислил с 21 марта 5509 г. до н.э.

Хронист был современником императора Ираклия и написал свое сочинение, по-видимому, вскоре после 628 г.⁸⁰ Ярко выраженный клерикальный характер хроники не оставляет сомнения, что ее автор был высоким церковным сановником.

Пасхальная хроника излагает события всемирной истории в строго ортодоксальном, библейском духе. Значение этой хроники для средневекового летописания состояло прежде всего в том, что в ней давалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда — и самое название хроники. Исходным пунктом для определения пасхального цикла анонимный хронист избрал дату 21 марта 5507 г. Позднее в Византии применялась система летоисчисления «от сотворения мира», которая, с некоторыми отклонениями, основывалась прежде всего на данных Пасхальной хроники.

Изложение исторического материала в Пасхальной хронике строится применительно к ее основной задаче; хронологические выкладки анонимный автор как бы сопровождает историческими комментариями⁸¹.

«Пасхальная хроника» относится к числу довольно сложных по своему происхождению источников. Это произведение, во-первых, принадлежит не одному автору и, во-вторых, будучи компилятивным по своему характеру, теряет во многом в смысле и своей достоверности. Этот источник написан в VII в., и в свое время еще Штриттер счел необходимым сделать из него соответствующую выписку. Впервые эта хроника была издана в 1615 г, Радером (в Мюнхене). Издание Диндорфа (Wonn, 1832). Из отечественных ученых никто не работал специально по этому источнику.

⁸⁰ Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточно-христианской традиции. — М., 2014. — С. 140.

⁸¹ Там же — С. 142.

ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «ХРОНИКЕ» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА

3.1. Отражение эпохи в произведении Марцеллина Комита

Марцеллин Комит, как он обычно именуется в источниках, - одна из наименее известных фигур среди авторов эпохи поздней античности. Он известен ныне практически только как автор своей хроники о событиях с 379 по 518 гг. н.э., которая была позднее продолжена до 534 г.

Не известно, когда или где Марцеллин родился, какое образование у него было, или чем он был занят, прежде чем писать свою летопись в 518 г. Если, ради рабочей гипотезы, Марцеллин писал летопись на службе у Юстиниана, то он родился в 470-х гг. Он мог, однако, родиться либо гораздо раньше (460-е гг.) или значительно позже (490-е). В любом случае, по расчетам нашей гипотезы, он мог бы участвовать в качестве молодого солдата в кампании 490-х гг.

Внутренние свидетельства летописи свидетельствуют о том, что у него были сильные военные связи, и что он был родом откуда-то из самого центра префектуры Иллирия (Иллирия (Illyricum)), возможно, в непосредственной близости от Скопье. Территорию Иллирии он знает лучше всего, особенно в том, что включено в пределы римских провинций Дардании, Дакии Прибрежной (Dacia Ripensis) и Верхней Мёзии. Там он был бы воспитан в районе, постоянно находившемся под угрозой со стороны вторжений различных племенных групп: гуннов, готов и болгар. Тем не менее, ему удалось выжить, обеспечив себе достаточно хорошее образование как в латинском и греческом языках⁸².

Марцеллин писал свою хронику в Константинополе в то время, когда римский сенатор Кассиодор пребывал там в качестве беженца (около 550/551

⁸² Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. - Екатеринбург, 1992. - С. 46.

г.) от войны Юстиниана против готов в Италии. Кассиодор, по всей видимости, встречался с Марцеллином, иначе он ничего не написал бы о последнем одном из своих трудов - *Institutiones* - руководстве для монахов. Там говорится о некоем Марцеллине из Иллирика: «[Иероним] возвратился благодаря вышеупомянутому Марцеллину Иллирийцу, который, как уже говорилось, был первым канцелярием патриция Юстиниана, но который впоследствии с помощью Господа изменил общественное положение своего господина и успешно составил свое исследование [истории] от времени правления императора [Юстина] до начала триумфального правления императора Юстиниана»⁸³.

Иллириком Кассиодор называл последнюю префектуру из находившихся под западно-римской властью - одну из латиноязычных балканских провинций. Около 500 г. Марцеллин был вынужден уехать отсюда в столицу Восточной империи - Константинополь, как поступали в то время и многие другие его современники, стремившиеся сделать карьеру в столице.

В Константинополе Марцеллин в результате больших трудов сумел добиться престижной должности «канцелярия» у выходца из Иллирика Юстиниана в начале 520-х гг. После этой должности Марцеллин стал комитом и вошел в число сенаторов (*vir clarissimus*); об этом он сам упоминает во введении к хронике. Очевидно, Марцеллин оставил свой пост еще до того, как Юстиниан стал императором.

В последующие годы Марцеллин, вероятно, посвятил себя преимущественно литературному творчеству. Наш автор в общем и целом достаточно скрытен относительно своей жизни и своих взглядов. Его труд отнюдь не давал ему простора для демонстрации своей индивидуальности⁸⁴.

⁸³ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. - Екатеринбург, 1992. - С.48.

⁸⁴ Бибииков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 30.

Хроника в основной своей части охватывает период с 379 по 518 гг. Поэтому мы можем предположить, что первое издание могло появиться вскоре после 518 г., т.е. за несколько лет до того, как Марцеллин начал служить Юстиниану. Второе издание хроники, которое дошло до наших дней, датируется 534 годом и, соответственно, доводит события до этого времени. Считается, что «продолжение» было написано в честь триумфа над вандалами в Африке, который праздновался в Константинополе в 534 г. Целью второго издания была некоторая переработка и дополнение летописи. За исключением небольших изменений, в основной текст не было внесено существенных корректур.

Кроме рассматриваемой хроники Марцеллин написал и ряд других работ, которые не сохранились, хотя Кассиодор рекомендовал их для чтения монахам в своем руководстве: «Марцеллин также описал свои путешествия, составив 4 книги, описав события и местности с наибольшей пристойностью и уместностью. Более того, я рекомендую вам прочесть её». «Все, с кем я говорил, считают, что Марцеллина следует читать с особым вниманием, так как он описал Константинополь и Иерусалим в четырех коротких книгах в очень важных деталях»⁸⁵.

Из этого следует, что существовали еще две работы Марцеллина. Обе состояли из 4-х книг, которые и были известны Кассиодору. Первое сочинение - подробная работа по истории светских событий и мест, в которых побывал автор. Второе - топография Константинополя и Иерусалима.

Сама хроника демонстрирует интерес автора и к Константинополю, и к Святой Земле, поэтому неудивительно, что сочинение об Иерусалиме привлекало к себе внимание современников, как утверждает Кассиодор. Более того, вполне возможно, что Марцеллин путешествовал очень далеко, бывал даже на границе Персии или в Даре. Во всяком случае, от всех прочих работ

⁸⁵ Бибиков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 32.

хрониста сохранился фрагмент с описанием Дары, возможно, из книги «О местоположениях».

Кроме того, что Марцеллин был иллирийцем, написал хронику до 518 г., был канцелярием Юстиниана до 527 г., а затем ушел с императорской службы и доработал свою хронику, возможно (по мнению ведущего исследователя хроники Брайана Кроука), доведя ее до событий 534 г., написал еще две - ныне утраченные - работы - больше мы ничего не можем сказать об этом человеке⁸⁶.

Мы не имеем представления о том, где он точно родился и где умер, когда он прибыл в Константинополь, какое он имел образование и к какому слою общества принадлежал. Тем не менее, объективность его хроники позволяет сделать некоторые предположения о его происхождении и культурном уровне.

Любая историческая работа неизбежно пронизана и сформирована с точки зрения культуры и ее автора. Для того, чтобы понять точку зрения и культуру, которая сформировала хронику Марцеллина Комита, необходимо начинать с самого летописца. Тем не менее, поиски интеллектуального контекста и среды хроники Марцеллина по его единственной дошедшей до нас работе, особенно трудны. Надо собирать и анализировать данные летописи, с тем, чтобы установить ее фон, а также отношения и заботы автора. Соответственно, цель этой начальной главы в том, чтобы заложить основы для всего дальнейшего исследования путем представления и интерпретации записей, которые несут сведения о карьере и работе Марцеллина, о том, кто он, и что он сделал в своей жизни.

Как и большинство малых литературных деятелей древности, о Марцеллине очень мало известно непосредственно из его произведения, и вряд ли что-нибудь когда-либо было написано о нем. То, что известно, происходит, в первую очередь, от того, что он рассказывает о себе в летописи. Затем

⁸⁶ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. Екатеринбург, 1992. - С. 49.

есть замечания его современника, ученого и бывшего секретаря королей остготской Италии, Кассиодора, которые он записал в своих *Institutiones*, написанных в 550-х гг. после его возвращения в Италию из Константинополя⁸⁷.

В предисловии к своей хронике Марцеллин начинает, указывая, что Иероним перевел на латинский язык летопись Евсевия Кесарийского (первая составлена на греческом в начале IV века и впоследствии обновлена до 325 г. н.э.), а затем продолжил эту хронику до времени императора Валента так, чтобы общее покрытое время (начало 378 г. н.э.) составило всего 5579 лет, по крайней мере, по расчетам Иеронима.

Затем Марцеллин утверждает, что он, комит и *Vir clarissimus*, добавил к работе Иеронима еще 140 лет от консулов Децима Магна Авсония и Олибрия (379) до Магна (518), и что он позже добавил еще шестнадцать лет (включительно) от первого консульства Юстина I (519) до четвертого консульства Юстиниана (534), прежде чем закончил свою работу⁸⁸.

Из этого краткого заявления самого Марцеллина, мы обратимся к более полной информации о Кассиодоре, содержащейся в *Institutiones*. Эта работа была разработана в качестве практического руководства для новых монахов в монастыре Кассиодора в Виварии около Скиллаче в Южной Италии. Это своего рода вид библиографического введения как в религиозную литературу (книга 1), так и в светскую литературу (книга 2). Первая книга начинается с объяснения того, что ученые интерпретировали отдельные книги Ветхого и Нового Заветов (1. 1-10), затем следуют главы, посвященные различным разделам и комбинации всех этих книг (1. 11-14) и, как подойти к пониманию и исправлению текста библейских рукописей (1. 15-16)⁸⁹.

Далее Кассиодор переходит к тому, что он называет «христианских историков (*historici*), писателями, которые «повествуют о церковных вопросах

⁸⁷ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. Екатеринбург, 1992. - С. 51.

⁸⁸ Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ.- 31. - Екатеринбург, 2000. - С. 62.

⁸⁹ Там же. - С. 65-66.

и описывают изменения, которые происходят в разное время», и которые потенциально поучительны для читателя, потому что они видят Творца как Движущую силу всего, что происходит на земле. Так что понимание истории у Кассиодора заключается в том, что она охватывает все виды человеческой деятельности, в то время как исторические писания имеют много различных форм. В этом широком определении он может найти не только церковных историков (Евсевий, Сократ, Созомен, Феодорит), но и Иосифа Флавия, чья история еврейского народа была моделью для истории ранней христианской нации. Кассиодор затем переходит к испанскому писателю пятого века Орозию, который написал историю безумств и бедствий, испытываемых в прошлом человечества, затем переходит к Марцеллину: «Марцеллин тоже дал описание своего пути в похвальной манере, завершив четыре книги о характере событий и расположениях мест с наиболее приличной уместностью. Я также оставил эту работу для вас» (Inst. I, 17, 1).

О семье Марцеллина абсолютно ничего не известно, несмотря на попытки некоторых специалистов связать его с военным магистром Марцеллином, который зарекомендовал себя в Далмации в 460-х гг., и с племянником этого Марцеллина, а именно императором Непотом. В хронике Марцеллина автор ни дает ни одного намека на отношения, ни даже единичного специ-ального упоминания ни военного магистра Марцеллина (468.2), ни Непота (474.2, 475.2, 480.2).

Кроме того, имя Марцеллин само по себе довольно часто встречается в V-VI веках. Марцеллин, как мы увидим, впервые появился в Константинополе на рубеже VI века и провел остаток своей жизни там, хотя на каком-то этапе (вероятно, до своей карьеры при Юстиниане в начале 520х гг.) он совершил поездку по неопределенному маршруту, который обеспечил материал для своих подробных книг «По локациям местностей»⁹⁰. Это путешествие, как утверждается в работе, в первую очередь, было направлено

⁹⁰ Козлов А.С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ.- 33. - Екатеринбург, 2002. - С. 30.

на Святую Землю, но и, возможно, охватывало и более отдаленные регионы, как Дара, великая крепость на Персидской границе, недавно построенная императором Анастасием.

Преобладающие мотивы хроники - отношение Марцеллина к событиям в его родной местности - Иллирике, и в Константинополе, городе, где он жил и писал свою летопись. Марцеллину есть что рассказать об Иллирике, и он это делает с тщательностью и правдивостью, основываясь на собственных знаниях о местных достопримечательностях, событиях и местной географии. Иногда, как, например, при описании землетрясения в Дардании в 518 г. он использует доступные ему официальные местные источники.

Хроника Марцеллина - важный источник информации для изучения вторжений в империю варваров - гуннов (422, 441, 442, 447, 452), остготов (478, 480) и болгар (499, 502, 517)¹⁰. Подробное рассмотрение этих набегов позволяет делать выводы по поводу влияния нашествий на хронологию и топографию. Это и нескрываемая скорбь по поводу разрушений и переселений населения из-за вторжений варваров (498, 505), и энтузиазм по отношению к храбрым и удачливым полководцам в сражениях с варварами (479), но вместе с тем - и крайняя критика безрезультативных военных действий (499, 505). Мы имеем представленный современником Юстина и Юстиниана краткий образец оценки влияния иноземных вторжений на отдельную личность в начале VI в.⁹¹

Еще более важно то, что Марцеллин предлагает нам проникнуть глубже в суть вещей и осознать, насколько столица и императорский двор оказались подвержены варварскому влиянию.

В центре внимания Хроники находится Константинополь. Это императорская резиденция, центр управления империей. Это августейший (381.1; 435.2; 436; 438.2; 501.3), царственный (433; 446.2; 480.1; 487; 527; 528; 535.4), священный (509.1; 511) город.

⁹¹ Козлов А.С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ.- 33. - Екатеринбург, 2002. - С. 32.

Фиксируются факты построек важных общественных сооружений - цистерн и терм (427.2; 443.3), форума Феодосия в Гелианах (435.1), св. Софии (537.5), городских стен (447.3), портиков и башен (448.2), императорских статуй (390.3; 403.2; 421.2) и др. Информации о строительстве в других городах практически нет, если не считать Дары (518.3-4), но это место, возможно, является интерполяцией.

Другая отличительная особенность хроники Марцеллина - это очевидность доказательств, которые он предоставляет, описывая материальную и духовную сферу Константинополя во времена царствования Юстина и Юстиниана. Марцеллин долго жил в Константинополе и очень интересовался всем - до такой степени, что написал две книги о топографии города.

Таким образом, хроника дает нам важный, а зачастую уникальный и правдивый обзор знаменательных событий в городе в начале VI в., включая упоминания об основных императорских постройках, стоящих до сих пор. Важное место среди них занимают античные памятники, свезенные в столицу, или заново возведенные в классической традиции.

На социальном, политическом и религиозном фоне мировой империи сведения Марцеллина выглядят особенно впечатляюще. Она дает вполне законченную картину жизни латиноязычных общин в Константинополе⁹², сравнивает образ жизни иллирийцев в столице и на их родине, например, в описании визита иллирийских епископов. Традиционная приверженность иллирийцев к епископам Рима объясняется вниманием Марцеллина и священникам западной церкви, особенно в эпизоде вступления на трон папы римского Иоанна в 525/526 г. Приверженность иллирийцев к православию четко прослеживается в антипатии Марцеллина в отношении к императору Анастасию и его религиозной политике, а также в описании религиозных конфликтов в Константинополе и в других местах.

⁹² Болгов Н.Н. Латинский пласт культуры ранней Византии: специфика и сферы распространения // Мир Византии. - Белгород, 2007. - С. 25.

3.2. «Хроника» в контексте христианской культуры

Хроника Марцеллина достаточно явно является продолжением хроники Иеронима, который до этого перевел хронику Евсевия Кесарийского и продолжил ее до 378 г. Для последующих авторов это стало общепринятой практикой и формой для их хроник, как и типы используемых источников, и характер их употребления.

Тогдашняя хроника обычно в виде таблицы представляла собой перечень последовательных событий. Описываемый год начинался 1 сентября, а заканчивался 31 августа. Каждому году присваивался номер из 15-летнего индикта. У Марцеллина же календарный год длится с 1 января по 31 декабря. Этот прием в датировке был первым, и утвердился впоследствии на Западе, в отличие от Востока, где он долго игнорировался⁹³.

Для более детальной информации Марцеллин, как и многие другие хронисты, опирался на четко ограниченное количество источников, почти не используя дополнительную информацию.

Ряд авторов являются основными источниками сочинения Марцеллина Комита.

1. *Павел Орозий*. Орозий, родом из Браги в Испании, был знаком с Августином, живя в Африке. По просьбе Августина он начал писать историю, основываясь на перечне всех катастроф, случившихся по времени его описания в начале V в. Марцеллин использовал труд Орозия главным образом в плане отбора и упорядочения его источников, но иногда и дословно цитировал его.

2. *Геннадий Массильский*. Геннадий, священник из Массилии, написал в 480 г. серию биографий знаменитых церковных писателей, продолжив труд

⁹³ Досталова Р. Византийская историография: характер и формы // ВВ, 1982. – С. 22.

Иеронима. Марцеллин использовал труд Геннадия обычно для того, чтобы заполнить «пустой» год без заметных событий.

3. *Папский список*. Марцеллин использовал папский список, у которого нет ничего общего с никакой другой сохранившейся летописью. Этот текст включал в себя только годы правления каждого папы. Из этого следует, что Марцеллин должен был дополнить пункты, связанные с приходом к власти каждого нового папы. Большинство дополнений Марцеллина размещено или раньше, или позже записей папского списка⁹⁴.

Возможно, наиболее часто используется Марцеллином Константинопольская хроника. Она отражала события, главным образом, в Константинополе. Эта хроника, в свою очередь, была основана на так называемой Городской хронике. Марцеллин использовал этот или очень сходный материал. Эти «имперские анналы» частично отражали официальную позицию.

Следуя этому источнику, Марцеллин описывает в основном крупные общественные события, стихийные бедствия, церемонии: императорские выходы (*Adventus*), победы в войнах, присоединения земель к империи, смерти 21, рождения, императорские свадьбы, годовщины, пророчества, стихийные бедствия, постройки, церковные события (папы, консулы, богословские писатели и т.д.), гражданские распри (восстания, мятежи), смерти высших чинов, войны на Востоке (Персия и Исаврия), набеги варваров на Балканах.

Это был важнейший источник для Марцеллина, в котором он нашел много информации, в том числе и о Западной империи. Остальные источники, помимо указанных, Марцеллин использовал лишь эпизодически, для отдельных статей, включая диалог Палладия для сообщений об Иоанне Златоусте (398.3, 403.3, 404.1), труд некоего анонима об обретении главы св. Иоанна Крестителя (453), возможно, он использует и письма папы Целестина (430).

Марцеллин демонстрирует многие черты, свойственные поздней латыни, и совершенно очевидно, что он также знал греческий, который не удиви

⁹⁴ Досталова Р. Византийская историография: характер и формы // ВВ, 1982. – С. 24.

телен для человека из лингвистической пограничной границы Иллирика и относительно приграничной Фракии⁹⁵. Есть следы греческой орфографии в летописи, и совершенно ясно, что ее автор практиковал прямое использование документов на греческом языке.

Утверждение о том, что он получил полное риторическое образование, которое приличествует его рангу, трудно оправдать, по крайней мере, на основе летописи. По общему признанию некоторые из описаний Марцеллина являются яркими, но не следует думать, что такое выражение может представлять только отпечаток риторического обучения, тем более, что кажется, что он на самом деле был свидетелем беспорядков в Константинополе он так ясно описывает в 501, 512 и 532 гг. И при этом нельзя быть уверенным, что он имел обширное богословское образование; снова следует с осторожностью относиться к оценке степени его богословских чтений и знаний исключительно на свидетельстве летописи.

Цитата из Иеремии (517) может быть основана на знакомстве Марцеллина с Ветхим Заветом в целом. Кроме того, его краткие биографии церковных писателей взяты произвольно из Гяннадию, и он не обязательно читал богословские труды, к которым они относились.

Accusativus absolutus и другие менее «классические» конструкции Марцеллина вряд ли заслуживали внимание его современника, африканского грамматиста Присциана. Также строки из одного из панегириков Клавдиана и этимологическое объяснение из республиканского комического драматурга Плавта дает основание быть причисленным к высокообразованным и литературно-мыслящим аристократам своего времени.

Тем не менее, хроника - не очень обширный документ, и существует опасность в оценке культуры любого писателя чисто по этой летописи; было бы, например, может быть весьма обманчиво судить о Евсевии, Иерониме и Проспере исключительно по их летописям. Литературная культура Марцел-

⁹⁵ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. - 26. Екатеринбург, 1992. - С. 52.

лина не должна поэтому быть недооценена, и мы не должны рассматривать летопись обязательно как произведение ограниченной литературной культуры и стиля.

Летопись Марцеллина Комита обнаруживает необычайный порядок и удивительно твердо установленные особенности гражданской службы и жизни в начале VI в. Очень много мест в хронике подчеркивают значение литургических празднеств. Прошлое идет в настоящее через ежегодное празднование религиозных дат.

Как бывший чиновник Юстиниана Марцеллин демонстрирует жесткую проюстиниановскую точку зрения, в которой четко видно преувеличение значения юстиниановских консульств (521), его поддержка императорской политики «закона и порядка» (523), подавления восстание Ника (532), преувеличение значения разгрома болгар, персов (530) и вандалов (534). Именно Марцеллин обратил внимание на расширение Западной империи на восток. Ему же принадлежит знаменитое впоследствии утверждение о падении Западной Римской империи в 476 г. вместе со свержением Ромула Августула, официально принятое в мировой и отечественной науке в течение XX века.

Марцеллин в значительной мере является образцом ярко выраженного позднеантичного имперского сознания, подпитанного успехами юстиниановской реставрации. Наряду с вниманием к судьбам крупных городов империи, хронист обладает и локальным позднеантичным (иллирийским) патриотизмом⁹⁶.

У Марцеллина четко ощущается тенденция к комментированию описываемых событий. Это горечь от варварских разрушений (447.2; 505), восхищение удачливыми полководцами типа иллирийца Сабиниана Магна (479), критика неэффективных военных мер (499.1; 505). Марцеллин не демонстрирует симпатий к сенаторам и знати вообще. Отмечается скорее

⁹⁶ Козлов А.С. «Варвары» Комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. // АДСВ. 34. - Екатеринбург, 2003. - С. 55.

настороженность по отношению к высшим слоям как гражданской, так и военной знати. К плебсу он совершенно равнодушен.

Отношение Марцеллина к церкви – официально-государственное. Социальные ориентиры хрониста связаны скорее всего с «новыми людьми» эпохи Юстиниана, чиновничеством. Летопись Марцеллина Комита обнаруживает необычайный порядок и удивительно твердо установленные особенности гражданской службы и жизни в начале VI в. Очень много мест в хронике подчеркивают значение литургических празднеств. Прошлое идет в настоящее через ежегодное празднование религиозных дат⁹⁷.

Как бывший чиновник Юстиниана Марцеллин демонстрирует жесткую проюстиниановскую точку зрения, в которой четко видно преувеличение значения юстиниановских консульств (521), его поддержка императорской политики «закона и порядка» (523), подавления восстание Ника (532), преувеличение значения разгрома болгар, персов (530) и вандалов (534). Именно Марцеллин обратил внимание на расширение Западной империи на восток. Ему же принадлежит знаменитое впоследствии утверждение о падении Западной Римской империи в 476 г. вместе со свержением Ромула Августула, официально принятое в мировой и отечественной науке в течение XX века.

Марцеллин не демонстрирует симпатий к сенаторам и знати вообще. Отмечается скорее настороженность по отношению к высшим слоям как гражданской, так и военной знати. К плебсу он совершенно равнодушен. Отношение Марцеллина к церкви – официально-государственное. Социальные ориентиры хрониста связаны скорее всего с «новыми людьми» эпохи Юстиниана, чиновничеством⁹⁸.

⁹⁷ Козлов А.С. «Варвары» Комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. // АДСВ. 34. - Екатеринбург, 2003. - С. 57.

⁹⁸ Там же - С. 59.

Упомянутые хронистом монастыри находятся в городах Эмесе и Амиде (453.3-4; 502.2). Монахи упомянуты 4 раза, из них лишь однажды нейтрально (453.4), в трех других случаях – негативно (451; 502.2; 512.4).

О епископах Востока говорится достаточно много: об Иоанне Златоусте (398.3; 403.3; 438.2); о Нестории (428.1-2; 430.3); о Евфимии и Македонии (494.1; 495; 511); о епископах провинций (512.9; 513; 516.2).

Выделяется тематический подраздел о теологических сочинениях тех или иных авторов Востока и Запада (398.3; 416.2; 456.2; 459; 463; 466; 470; 478; 486). Весьма подробен рассказ об ортодоксальных епископах родного Марцеллину Иллирика в борьбе с монофизитским императором Анастасием (516.3).

Специфический тематический ряд образуют рассказы о землетрясениях – их в хронике 15. Характерно, что все они четко относятся к городам. Такие специфически городские бедствия, как пожары, фиксируются в хронике 14 раз. Хроника Марцеллина, как это часто бывало и с другими хрониками, была продолжена. Уже Кассиодор в начале 550-х гг. знал о таких продолжениях. Единственное сохранившееся Продолжение Марцеллина, дошедшее в оксфордской рукописи VI в. T (Codex Tilianus), начинается на 534 г. и обрывается на 548 г. на полуслове. Думается, что текст Марцеллина, включенный в рукопись T, отличался от Продолжения, написанного другим автором. Можно сказать, что Продолжение было написано после заметки Кассиодора, т.е. после начала 550-х гг.

Наличие такого рода продолжений – свидетельство популярности сочинения по крайней мере у ближайшего следующего поколения. Сам же продолжатель жил и писал в Константинополе. Это видно по насыщенности его текста военными терминами и эпитету Константинополя - Царского города (Царьграда) (535.4, 541.1). Более того, он отражает политику императорского двора в отношении Италии более объективно. Продолжатель явно православен. Частый пропуск событий с его стороны доказывает, что он не был бли-

зок к описываемым событиям и не всегда был в состоянии вести точную хронологию.

Продолжение примыкает к основной хронике абсолютно анонимно. Б. Кроук и А.С. Козлов считают это произведение самостоятельной хроникой, хотя и примыкающей к основной.

В отличие от Марцеллина, Продолжатель основное внимание уделяет Италии (44 эпизода из 88). К Подунавью относится 2 эпизода, к Африке – 11, персидской границе – 8. К Константинополю автор Продолжения испытывает пиетет, но уделяет ему достаточно скромное место в тексте. Много внимания уделено Велизарю. Значительно ниже в Продолжении вес церковно-политических эпизодов. Язык Продолжения вполне сходен с языком Хроники⁹⁹.

Наконец, для 549-566 гг. имеется еще одно самостоятельное Продолжение, которое уделяет главное внимание уже варварам, прежде всего, франкам, хотя и продолжает датировки по консульствам. Оно примыкает к Хронике Марцеллина чисто механически и было добавлено одним из переписчиков, что является уже средневековой традицией.

В написании хроники по канонам Иеронима Марцеллин Комит не придерживался определенного литературного стиля и не пытался добиться какого-либо риторического эффекта. Если у него и были стилистические и риторические способности, его летопись скрыла их. Напротив, его выражения были порой прямолинейными, формальными и краткими.

Некоторые его описания приносят определенную свежесть и, возможно, являются отражением его собственных знаний и опыта. Временами, однако, его содержание сильно копирует целые главы текста его источников (Орозия, Геннадия)¹⁰⁰. Что касается синтаксиса и словаря, то он демонстрирует нам обычный поздний латинский язык, который считается

⁹⁹ Сиротенко В.Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. - Свердловск, 1972. - № 8. - С. 73.

¹⁰⁰ Там же - С. 73.

«неклассическим» и, возможно, являет собой некоторую интеллектуальную и литературную ограниченность.

Принимая во внимание греческое влияние, неудивительно найти в хронике грецизмы. Как бы то ни было, исходя из того, что родиной историка была латиноязычная область на Балканах, естественно обнаружить в тексте соответствующий вариант латинского языка. Издание Т. Моммзена (1894 г.) является первым изданием, базирующимся на полном сопоставлении всех имеющихся рукописей и, как было отмечено Брайаном Кроуком, «более исчерпывающего издания хроники еще не было»¹⁰¹.

Марцеллин и его сочинение занимают важное место в хронографии IV-VI вв. Этот яркий и обширный культурно-исторический феномен представлен как латинскими (Галльские хроники, Иоанн Бикларский, Виктор Тоннен-ский, Марий Авентик и др.), так и греческими (Пасхальная хроника, Иоанн Малала и др.) сочинениями.

В этом ряду – хроника комита Марцеллина – одна из наиболее информативных и связанных с имперской политической традицией¹⁰². Ее главная особенность заключается в латинском языке, связи с имперской традицией Ранней Византии и – местами - иллирийском региональном колорите.

Уже давно привычно для изучающих позднюю античность, в частности, жаловаться на летописи. Они часто впадают в раздражение от содержания и краткости многих дошедших до нас летописей; иногда они даже выражают презрение к состоятельности и целостности самих летописцев. Широко распространено отношение, что материал хроник, с которым мы должны работать, для этого времени по своей природе хуже, его авторы второсортны и посредственны, его аудитория плохо образованная и непрехотливая.

Появление летописи как стилизованного историографического жанра в поздней Римской империи рассматривается как симптом эпохи декаданса и

¹⁰¹ Козлов А.С. «Варвары» Комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. // АДСВ. 34. - Екатеринбург, 2003. - С. 58.

¹⁰² Бибииков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 35.

упадка в обществе и литературе, в частности, в написании истории. Сама хроника рассматривается лишь как эмбрион классической повествовательной историографии, истощившей таланты и ресурсы тех, кто не способен к большей учености, прозорливости и масштабной письменной форме.

Дж. Бьюри, например, говорил о «голых фактах в летописях, написанных людьми, которые выбрали эти факты без особого разбора», в то время как А.Х.М. Джонс увидел, что историк V века на западе «сводится к голым летописцам, которые дают списки консулов с редкими указаниями на сражения и церковные соборы» в «сырых и скудных летописных хрониках»³⁰. Подводя итог византийских хроник, в частности, Браунинг утверждал, что «их взгляд на историю, до сих пор, если можно так сказать, был один и тот же, простодушно богословский ... они были не критичны и неразборчивы в выборе событий, которые они рассказывали, а также включали многое из того, что было тривиальным или сенсационным»¹⁰³.

Такие взгляды глубоко укоренились в устаревшей ассоциации поздней античности (и Византии) с декадансом и упадком. Они еще более фундаментально коренятся в традиционной историографической дихотомии, восходящей к эпохе Возрождения и канонизированной в XIX веке, между «историей» (продукт «высокой» культуры) и «хроникой» (продукт «низкой» культуры).

Первая рассматривается как воплощение читаемости, правды, и чувства того, что важно о прошлом, в то время как последняя представляет собой неглубокое содержание в сочетании с простотой стиля и суждения. Даже если такое различие было реальным в некоторых случаях, оно основано на том, что, по существу, современные представления об исторической правде и природе исторических исследований и письменной форме представляются в качестве интеллектуальной деятельности.

¹⁰³ Бибииков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 38.

С этой точки зрения, история и хроника связаны, как различные степени, объективно представляющие познаваемое и значимое прошлое. В древнем мире история не представлялась таким образом, однако, история не была связана с хроникой как таковой. Кроме того, как отчетливо христианская форма, представляющая прошлое, летопись была заключена в том, что в настоящее время рассматривается в качестве ложной дихотомии между «классической» и «христианской» культурой. Христианская летопись поздней античности имела совсем другую цель по сравнению с классической повествовательной историей. Она представляет собой довольно сложный метод представления прошлого. Предвзятый вид жанра будет только исказить оценку любого отдельного летописца и его хроники.

Существует еще один компонент этого негативного отношения к хроникам и летописям поздней античности, который нуждается в напоминании в самом начале. Слишком часто хроники расценивались учеными как своего рода рудник, или хранилище, фактов, из которых можно извлечь и рыскать по желанию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жанр «хроники» как особый тип исторического повествования не существовал в греко-римской античности и получил свое развитие в раннехристианский и византийский период, больше из подражания «историческим» книгам Библии. Хронисты в своих произведениях чаще всего не ограничивались каким-либо ограниченным хронологическим отрезком, начиная свое повествование «от бытия мира», «от Адама» и продолжая его до дней своей современности. Очень важно отметить, что многие авторы часто опирались на труды своих предшественников, даже перенимая у них какой-либо материал. Именно поэтому ранневизантийские хроники являют собой значимую источниковедческую ценность, ввиду того что во многих хрониках были сохранены следы уже несуществующих исторических произведений о предшествующих эпохах.

Анализируя в нашем исследовании три значимые хроники: «Хронографию» Иоанна Малалы, «Пасхальную» хронику, «Хронику» Марцеллина Комита, можно проследить признаки религиозного прагматизма, когда общественные бедствия рассматриваются как следствие греховности людей. Это объясняется тем, что авторы по большей части являлись монахами и сочинения свои предназначали в качестве руководства по мировой истории для простых читателей.

Именно поэтому и языковая структура хроник имеет свои отличительные особенности: язык по большей части простонароден и ориентируется на библейские образцы. Важно отметить, что помимо всех вышеупомянутых аспектов, хроники в качестве исторического источника впервые поставили вопроса о непрерывности и преемственности во всемирно-историческом процессе. Это явление было довольно-таки чуждым для античной философии истории. В хрониках же впервые выдвигается мысль об историческом развитии, понятие исторического прогресса.

Говоря о традиции памяти византийцев отдельно о нескольких важных исторических событиях и об эпохе IV - V вв. в целом, можно подчеркнуть общие тенденции развития традиций исторической памяти в Византии. Так, например, состояние знаний византийцев о далеком прошлом оказывается совершенно не связано с общим состоянием византийской историографии в ту или иную эпоху. С другой стороны, эти изменения почти всегда касались только знаний византийцев о современности, о недавнем прошлом, литературной манеры передачи этих знаний. В памяти о событиях более отдаленных времен, как те, о которых мы писали, всегда сохраняли свое значение совсем другие тенденции. Они были связаны не столько с эволюцией византийской исторической литературы, сколько с общими закономерностями сохранения и искажения исторической информации в любом обществе.

В рамках настоящего исследования также было рассмотрено исторический процесс формирования и развития хронологических систем — искусственных конструкций, которые создавались учеными на основе различных факторов: исторических, астрономо-математических и богословских. Приоритеты менялись по мере формирования и закрепления христианской пасхалистической и хронологической традиции.

Так, например, на первых этапах при создании пасхалий и связанных с ними систем летосчисления астрономические данные играли немаловажную роль для признания авторитета той или иной системы, то позднее, после повсеместного принятия в Церквях Востока и Запада пасхалии александрийского типа, астрономические наблюдения отошли на второй план. Конечно, одну из ведущих ролей при создании христианских «мировых эр» играли исторические данные хронографического характера, черпавшиеся как из Библии, так и из античных исторических сочинений

В заключении стоит сказать, что дальнейшее изучение ранневизантийских хроник сделает возможным и более наглядным представление сложнейшего и многогранного процесса глобальных цивилизационных сдвигов и культурных трансформаций между античным временем и средними веками,

преимущественно в Восточном Средиземноморье (Ранней Византии), где была сохранена государственность и сложно организованное общество, в отличие от романо-германской Западной Европы того же времени. Мало того, изучение ранневизантийских сочинений является важным фактором и при изучении древнерусской литературной традиции, в которой оно бытовало много столетий, а, следовательно – и для отечественной культурно-цивилизационной традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Пасхальная хроника / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. Л. А. Самутиной. — Византийская библиотека. Источники. - СПб., 2004. — 224 с.
2. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. / пер. В.М. Истрина – М., 1994. – 624 с.
3. Marcellinus Comes. Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH.AA. - T.IX. V.II. - B., 1894. - P. 37-108; The Chronicle of Marcellinus Comes. – Canberra, 1996; Марцеллин Комит. Хроника. – Белгород, 2010.

Исследования

1. Аверинцев, С.С. Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций / С.С. Аверинцев // Памятники средневековой латинской литературы IV-VII вв. – М.: Наследие, 1998. - С. 3-18.
1. Аверинцев, С.С. Литература // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. / С.С. Аверинцев – М.: Наука, 1984. – С. 272-278.
2. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы./ С.С. Аверинцев – М.: Coda, 1996. – 343 с.
3. Аверинцев, С.С. От античности к Средневековью (V-VI вв.): Латинская литература // История всемирной литературы: В 9 томах / С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Р.М. Самарин – М.: Наука, 1984. – С. 446-449.
4. Альбрехт, М. История римской литературы. Т. III. / М. Альбрехт - М.: Греко-латинский кабинет Ю. Шичалина, 2005. – 616 с.
5. Барг, М. А. Историческое сознание как проблема историографии / М.А. Барг // Вопросы истории. 1982. – № 12. – С. 49-66.
6. Бибииков, М. В. Историческая литература Византии. / М. В. Бибииков. СПб.: Алетейя, 1998. - 135 с.

7. Болгов, Н.Н. К истории сейсмических катастроф и стихийных бедствий в ранней Византии (по письменным источникам) / Н.Н. Болгов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. - Керчь: ЦАИ Деметра, 2003. - С. 15-20.
8. Болгов, Н.Н. Марцеллин Комит – автор латинской хроники из Константинополя / Н.Н. Болгов // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Вып. 1. - Белгород, 2002. - С. 77-84.
9. Болгов, Н.Н. Поздняя античность: история и культура./ Н.Н. Болгов - Белгород, 2009. – 112 с.
10. Болгов, Н.Н. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко, Т.В. Смирницких // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. - Белгород, 2007. – 88 с.
11. Болгов, Н.Н. Латинский пласт культуры ранней Византии: специфика и сферы распространения / Н.Н. Болгов, Т.В. Смирницких // Мир Византии. - Белгород: БелГУ, 2007. – С. 25-27.
12. Васильев, А.А. История Византии. – Тт. 1-2. / А.А. Васильев – СПб.: Алетейя, 1998. – 564, 458 с.
13. Ващева, И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке / И.Ю. Ващева// Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2009. № 6(1). – С. 220-231.
14. Ващева, И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности / Автореф. докт. дисс. - Белгород, 2013. – 47 с.
15. Геростергиос, А. Юстиниан Великий — император и святой./ А. Геростергиос - М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 448 с.
16. Глушанин, Е.П. Военная знать ранней Византии./ Е.П. Глушанин – Барнаул, 1991. - 246 с.

17. Глушанин, Е.П. Ранневизантийская военная знать 364-395 гг. / Е.П. Глушанин // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. – Барнаул, 1989. – С. 78-84.
18. Грабар, А. Император в византийском искусстве. / А.Грабар – М.: Ладомир, 2000. – 400 с.
19. Громова, А.В. Иоанн Малала о восточной политике римских императоров в III в. (К вопросу об особенностях композиционного решения) // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Г.М. Бонгард-Левина 15 декабря 2010 г. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 30-33.
20. Дашков, С.Б. Императоры Византии. / С.Б. Дашков - М.: Красная площадь, 1997. – 368 с.
21. Дерюгин, А.А. Вергилий в древнем славянском переводе хроники Иоанна Малалы / А.А. Дерюгин // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 351-362.
22. Диль, Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в./ Ш. Диль – СПб.: Типография Альтшулера, 1906. – 741 с.
23. Досгалова, Р. Византийская историография: характер и формы / Р. Досгалова // ВВ, 1982. – С. 22-34.
24. Дуров, В.С. Латинская христианская литература III-V веков. / В.С. Дуров – СПб.: ФФ СПбГУ, 2003. – 200 с.
25. Ермолова, И.Е. Рим и варвары по данным императорских конституций / И.Е. Ермолова // Норция. – Выпуск 6-7. - Воронеж, 2003. - С. 323-339.
26. Захаров, Г.Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). / Г.Е. Захаров – М.: ПСТГУ, 2012. – 376 с.
27. Иваницкая, Я.Ю. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. Автореф. канд. дисс. – Белгород, 2011. - 28 с.

28. Каждан, Л. П. История византийской литературы (650-850 гг.) / В сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди. Пер. с англ. Под ред. Я. Н. Любарского, Е. И. Ванеевой. СПб.: Алетейя, 2002. - 529 с.

29. Кобзева, А.В. «Хронография» Иоанна Малалы : антикварная традиция и медиевализация исторического знания в ранней Византии / канд. дисс. - Белгород, 2017. – 255 с.

30. Кобзева, А.В. Античная мифология в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы / А.В. Кобзева // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (198). Вып. 33. Белгород, С. 40-43.

31. Козлов, А.С. «Варвары» Комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. / А.С. Козлов // АДСВ. 34. - Екатеринбург, 2003. - С. 54-66.

32. Козлов, А.С. Еще раз об источниках восточно- и западно-римских консулярий / А.С. Козлов // АДСВ. 38. - Екатеринбург, 2008. - С. 40-63.

33. Козлов, А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе / А.С. Козлов // АДСВ. 26. - Екатеринбург, 1992. - С. 46-55.

34. Козлов, А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах / А.С. Козлов // АДСВ. 31. - Екатеринбург, 2000. - С. 60-91.

35. Козлов, А.С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина / А.С. Козлов // АДСВ. 33. - Екатеринбург, 2002. - С. 29-39.

36. Корсунский, А.Р. От Восточной Римской империи к Византии / А.Р. Корсунский // Византийский временник – №29. – 1968. – С. 300-304.

37. Кривушин, И.В. История и народ в церковной историографии V века. / И.В. Кривушин – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. – 99 с.

38. Кузенков, П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточно-христианской традиции. / П.В. Кузенков – М.: РИЦ им. Св. Василия Великого, 2014. – 992 с.

39. Курбатов, Г.Л. История Византии (историография). / Г.Л. Курбатов – Л.: ЛГУ, 1975. – 346 с.
40. Любарский, Я.Н. «Хронография» Иоанна Малалы (проблемы композиции) / Я.Н. Любарский // Византийские историки и писатели. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 7-20.
41. Любарский, Я.Н. Замечания о структуре «Хронографии» Иоанна Малалы / Я.Н. Любарский // Общество и культура на Балканах в Средние века. – Калинин, 1985. – С. 23-31.
42. Ляпустина, Е.В. Поздняя античность - общество в изменении / Е.В. Ляпустина // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. – М.: Мысль, 2002. – С. 31-46.
43. Мильков, В.В. Сведения об античности и античной философии в древнерусской «Хронике» Иоанна Малалы / В.В. Мильков // Отечественная философская мысль XI – XVII вв. и греческая культура. – Киев: Наукова думка, 1991. – С.42-56.
44. Мягков, Ю.Г. Юстиниан и «Ренессанс» Римской империи в VI в. н.э./ Ю.Г. Мягков, В.Д. Жигунин // Античный вестник. III. - Омск, 1995. – С. 44-48.
45. Надлер, В.К. Юстиниан и партии цирка в Византии./ В.К. Надлер - Харьков, 1876. – 166 с.
46. Острогорский, Г. История византийского государства./Г. Острогорский - М.: ДАРЪ, 2011. – 896 с.
47. Попков, К.О. Образ Рима в «Хронографии» Иоанна Малалы / К.О. Попков // Белгородский диалог – 2015. – Белгород, 2015. – С. 35-36.
48. Самуткина, Л.А. Император Юстиниан Великий в «Хронографии» Иоанна Малалы / Л.А. Самуткина // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. № 4. 2003. – С. 103-116.
49. Самуткина, Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. / Л.А. Самуткина – Иваново: ИвГУ, 2001. – 143 с.

50. Самуткина, Л.А. Документальность «Хронографии» Иоанна Малалы / Л.А. Самуткина // Куприяновские чтения – 2009. Сборник научных статей и материалов: К 90-летию засл. деятеля науки, д.ф.н., проф. П.В. Куприяновского. – Иваново: ЛИСТОС, 2011. – С. 23-29.

51. Самуткина, Л.А. Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). – Иваново, 2000. - С. 41-58.

52. Селунская, Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историко-графическая традиция и семинар «Empires unlimited» / Н.А. Селунская // ВДИ. – 2005. – № 1. – С. 22-29.

53. Селунская, Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили / Н.А. Селунская // Диалог со временем. – 13. – 2004. – С.58-64.

54. Серов, В.В. Финансовая политика Юстиниана Великого. / В.В. Серов- Новосибирск: Наука, 2011. – 376 с.

55. Сиротенко, В.Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия / В.Т. Сиротенко // Античная древность и средние века. - Свердловск, 1972. - № 8. - С. 73-88.

56. Сюзюмов, М.Я. Византийские этюды./ М.Я. Сюзюмов - Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 396 с.

57. Творогов, О.В. Хроника Иоанна Малалы / О.В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1987. – Вып. I (XI – первая половина XIV в.).

58. Терновский, Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси / Ф. Терновский – Киев: Университетская типография, 1975. – 214 с.

59. Удальцова, З.В. Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. / З.В. Удальцова // История Византии: В 3-х томах. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. С.47–50.

60. Удальцова, З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы / З.В. Удальцова // ВВ. 1971. Т. XXXII. – С. 3–23.
61. Удальцова, З.В. Церковные историки ранней Византии / З.В. Удальцова // Византийский временник. – М., 1982. – Т. 43.
62. Чекалова, А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. / А.А. Чекалова - М.: Алетейя, 1997. – 336 с.
63. Чекалова, А.А. Сенаторская знать ранней Византии./ А.А. Чекалова - М.: Наука, 2010. – 344 с
64. Чекалова, А.А. Борьба западных и восточных тенденций в Византии в ранний период / А.А. Чекалова // Византия и византийское наследие в России и в мире. – М.: МГУ, 2013. – С. 262-265.
65. Шусторович, Э.М. Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы (история изучения) / Э.М. Шусторович // ВВ. – 1969. – Т. 30. – С. 136-152.
66. Шусторович, Э.М. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древней русской литературе / Э.М. Шусторович // Литературные связи древних славян. – Л.: Наука, 1968. – С. 78-93.
67. Adams, J. N. The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London, supplement 36. - London, 1976.
68. Allen, Pauline. The 'Justinianic' Plague // Byzantion. № 49. 1979. - P. 5-20.
69. Bagnall R., Cameron Al., Schwartz S., Worp K. Consuls of the Later Roman Empire. - Atlanta, 1987.
70. Baldwin, B. Latin in Byzantium // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985. – P. 237-241.
71. Bartonkova, D. Marcellinus Comes and Jordanes' Romana // Sbornik Praci Filosofske Fakulty Brnenske University. B. 12. - Brno, 1967. - P. 184-194.
72. Croke, Brian. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th Centuries. - London: Ashgate Variorum, 1992. – 333 p.